МАЛЕНЬКИЕ СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

Воспоминания узбекистанцев об ужасах военного времени

1941–1945

На фронте, в тылу, в блокаде, в концлагерях

Посвящается всем павшим на полях сражений
Великой Отечественной войны
и прошедшим ее горнило…

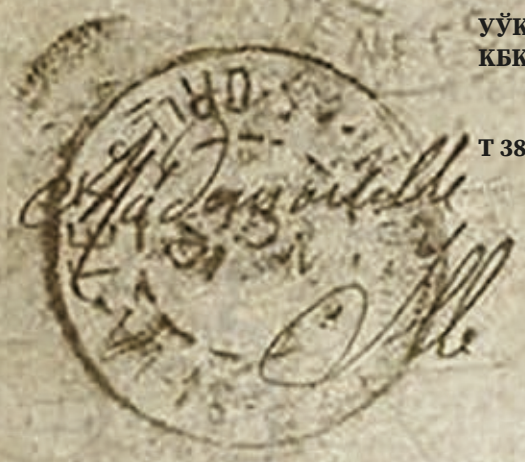
МАЛЕНЬКИЕ СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

Воспоминания узбекистанцев об ужасах военного времени

1941–1945

На фронте, в тылу, в блокаде, в концлагерях

SPLENDID IDEA
ТАШКЕНТ
2021

УЎК: 94(100)"1939/1945"
КБК: 63.3(0)62

Т 38 **Тешаев А.**
Маленькие свидетели войны. Воспоминания узбекистанцев об ужасах военного времени [Текст] / А. Тешаев.-Ташкент: ООО "SPLENDID IDEA",2021. – 240 с.

***

Эта книга посвящается миллионам погибших в Великой Отечественной войне. В этом году исполняется 76 лет со дня Великой Победы над фашизмом, и все мы должны помнить, какой ценой она нам досталась. Сегодня осталось не так много очевидцев того страшного времени – тех, кто выживал в тылу и концлагерях немцев, кто работал круглые сутки напролет, обеспечивая фронт всем необходимым, кто голодал, но отдавал близким последние крохи хлеба. В этой книге собраны десятки рассказов маленьких очевидцев той войны, в них нет прикрас, одна жестокая правда, когда маленькие дети своими руками убирали трупы в лагерях фашистов, жили в блокаде с мертвыми родителями, которых просто некому было забрать, умирали от голода рядом с жирующим врагом. Мы все – потомки тех героев, которые отдали жизни за наше мирное будущее. Поэтому память о них должна остаться в наших сердцах навечно…

УЎК: 94(100)"1939/1945"
КБК: 63.3(0)62

Книга издана при финансовой поддержке АКБ «Капиталбанк»

12+

ISBN 978-9943-7241-0-5

© АН Podrobno.uz, 2021
© АКБ «Капиталбанк», 2021
© ООО Splendid Idea, 2021

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ:

Идея
Андрей Тешаев

Ответственный редактор
Андрей Тешаев

Координационный менеджер
Лилиана Дашкова

Редактор
Денис Довлатов

Бильд-редакторы
Лилиана Дашкова, Андрей Тешаев

Технический редактор
Лилиана Дашкова

Журналисты
Зарина Тохирова, Шахноза Турабекова, Римма Сабирджанова, Максим Черногаев, Сурия Магдеева, Ирина Бойко-Брюнеро, Ольга Фазылова

Дизайн и верстка
ООО Splendid Idea

Фотографы
Александр Ким, Динара Чиркова, Иван Макаров, Абдулазиз Салихов, Тимур Темиров

Корректор
Светлана Балашова

Предисловие

День Победы – это день радости и одновременно день скорби по тем, кто отдал жизни во имя свободы, во имя нас, живущих сегодня. Святой долг каждого из нас – хранить память об этом великом подвиге, чтить его как историю доблести, высокого патриотизма и силы духа.

Сегодня мы живем в мирное время, спокойное, безмятежное. Мы работаем, строим планы, добиваемся целей, растим детей. Наши дочери и сыновья могут учиться, мечтать и просто быть детьми. И сейчас нам трудно представить, что когда-то маленькие девочки и мальчики стояли у станков на заводах, работали в госпиталях и рисковали жизнью, помогая партизанам. Война заставила детей повзрослеть и лишила их детства, вынудила пережить ужас и испытать трагедию.

Дети войны – это важная часть истории тех лет, о которой мы порой забыва-

ем. И это, пожалуй, самый большой подвиг – принести в жертву свое детство. АКБ «Капиталбанк» совместно с Агентством новостей Podrobno.uz инициировал выпуск книги «Маленькие свидетели войны». Эта книга о том, каково это – пережить страх, ужас и горести потерь, будучи маленьким ребенком. В ней собраны воспоминания детей, увидевших войну своими глазами. Среди них дети из узбекских семей, которых война оставила без отцов, эвакуированные из зоны ожесточенных боев, умирающие от голода в блокадном Ленинграде, а также дети – узники концлагерей.

В годы Великой Отечественной войны народ Узбекистана приютил более 200 тысяч детей-сирот, подарив им мирное небо, теплый дом и свою любовь. В своих воспоминаниях люди, приехавшие сюда детьми, рассказывают, как узбеки делились последним куском хлеба, отдавали единственную в доме кровать, а из отложенного отреза ткани шили одежду для них, как толпились на перроне вокзалов, забирая эвакуированных сирот прямо с прибывающих на вокзал поездов, как отправляли фрукты и зерно на фронт. Нельзя не вспомнить о подвиге кузнеца Шоахмада Шомахмудова и его жены Бахри, которые усыновили 15 детей, потерявших родителей. И таких семей в Узбекистане было много.

Для «Капиталбанка» эта книга – социальный проект. Мы хотим, чтобы нынешнее поколение помнило о подвиге своих предков, ценило мирное небо над головой и все то, что у нас есть сегодня. Мы хотим, чтобы наша молодежь помнила о доброте и милосердии, щедрости и великодушии, гуманности и человечности. Подвиг людей жив, пока о нем помнят.

Алишер Мирзаев,

председатель правления АКБ «Капиталбанк».

***

Война – это всегда трагедия. Это слезы и кровь, миллионы разорванных в клочья судеб, люди, которые уже никогда не станут прежними. В Великой Отечественной войне погибло 27 миллионов жителей СССР, из которых свыше 13 миллионов – мирные жители. При этом еще десятки миллионов прошли через горнило блокады, голода и издевательств фашистов.

Хуже всего то, что значительная часть из них – дети, на хрупкие плечи которых легла такая тяжкая ноша. До сих пор точно не известно, сколько детей погибло от рук оккупантов. Исследователи говорят примерно о 300 тысячах советских ребятишек, которых уничтожили немцы. При этом от голода, холода и других лишений войны погибли в десятки раз больше.

Только представьте, каким духом обладали дети, пережившие бомбежки в блокадном Ленинграде, страшный голод и немецкие концлагеря. Тысячи мальчишек и девчонок по всему Союзу работали по 12 часов в сутки, делая патроны, мины и парашюты для фронта. Многие из них остались абсолютно одни, их семьи уничтожили фашисты, но они не сдавались и приближали долгожданный День Победы, как могли.

При этом важно, что, несмотря на суровые лишения, многие из них нашли кров и любовь у абсолютно незнакомых людей. В этом есть и большая заслуга Узбекистана, куда в первые годы войны было эвакуировано свыше 1,5 миллиона человек, из которых около 400 тысяч – дети, причем больше половины – сироты. Эти маленькие свидетели войны смогли избежать смерти от рук фашистов и голода благодаря щедрости узбекского народа, который делился с приезжающими последним кусочком лепешки.

В этой книге вы найдете настоящие и не приукрашенные воспоминания детей той страшной войны. Истории

о том, как они носили трупы в концлагерях, видели, как сжигают их родных, как люди гибнут тысячами от голода и зверств фашистов. Есть здесь и истории детей, которые потеряли все, но не сдавались, голодали, но отдавали последние крохи хлеба другим. Главное, о чем сегодня они просят потомков – помнить, каким трудом и лишениями досталась Победа, и никогда больше не допустить подобного.

К сожалению, война сегодня превратилась из немыслимого в обыденное. Люди стали забывать, что смерть – это не красивые картинки в блокбастерах и компьютерных играх, она реальна. Конечно, сложно сострадать, когда находишься по другую сторону экрана смартфона или монитора компьютера, но когда беда приходит в твой дом, часто бывает уже слишком поздно. Эта книга – напоминание всем нам, что такое настоящая война и какие горести она способна принести.

Редакция АН Podrobno.uz

Рафик Нишанов

Государственный и общественный деятель, бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекской ССР. Родился в 1926 году в кишлаке Газалкент Бостанлыкского района Ташкентской области. Во время войны подростком работал в колхозе «Чирчик», был секретарем исполкома местного поселкового совета, в 1945 году ушел в армию. На момент начала войны ему было 15 лет.

– Наш разветвленный род не пощадила Великая Отечественная война. Два брата матери – Холмат и Шодмон погибли, еще один – Талип вернулся без руки. Пал смертью храбрых и племянник отца – Икрам, другой папин племянник – Кучкар потерял левую ногу... Ни один взрослый здоровый мужчина в семье не отсиживался вдали от фронта, не прятался. Казалось бы, бои гремят где-то за тридевять земель, но беда была общей. Все, кто мог, рвался на фронт, те же, кто оставался, фанатично работали на победу.

Людей объединяла злость к фашистам, сплачивало сострадание: похоронки на кишлак обрушивались без передышки. Однажды заскочил на почту – мне вручают страшный треугольник. Два сына старшего брата отца еще летом

1941-го попали на передовую. И теперь я первым узнаю, что младший из них – Рашид – геройски погиб. Не понимаю, что меня тогда остановило, чтобы не сказать об этом всем. Видимо, то, что бабушка была совсем старенькой, больной, не выдержала бы тяжелого известия. Решил придержать письмо. Как же правильно я поступил! Извещение оказалось ошибкой. Буквально через два месяца от раненого Рашида пришло письмо. Я вслух читал его счастливой бабушке.

Рафик Нишанов вместе с односельчанами в годы войны (фото из домашнего архива).

У себя в кишлаке мы ходили по домам, собирали продукты, кто что может дать для фронта. Это были продовольственные сборы в фонд обороны. В те времена я передвигался на ослике. Ведь осел – надежная рабочая сила. Все выдержит, выручит, пройдет по самым непроходимым тропам.

Район наш разбросанный. Кишлаки располагаются не только в предгорьях, но и в труднодоступных горных ущельях. У ишаков, не единожды наблюдал, безошибочное чутье. Никогда не ступят туда, где почва нетвердая, обойдут сомнительное место.

Помню, как-то ночью возвращался из Наная через лесной массив. Надо было по старому мосту пересечь речку Хумсан, впадающую в Чирчик.

Смотрю, мой осел заупрямился. Похлопал его по бокам: шагай. Тот нехотя сдвинулся, но еле-еле плелся. И ровно в середине полусгнившего деревянного моста треск – мы провалились, рухнули в воду. Хорошо, в полукилометре находилось село. Здесь я добрался до домика своего сверстника, которого немного знал. Его мать заботливо просушила одежду, накормила, устроила на ночлег. Не забыла и ишака: дала страдальцу сена.

Все знают, что наши люди тепло относятся к гостям. Даже нежданным, незваным. Но в те лихие годы проявилась особая сплоченность. С каким сочувствием в кишлаках откликались на нужды фронта! На осле я объездил весь район. Неделю проводил в одном колхозе, неделю – в другом, третьем, десятом. Встречался с руководством, говорил с молодежью, разъяснял, как важно сейчас содействовать фронту.

Семена ложились на благодатную почву. Продолжая сборы в фонд обороны, видел много семей, которые сами ужасно нуждались. Однако понимание ситуации, желание внести свой вклад в то, чтобы воюющие вернулись скорее, да что там – обыкновенное, точнее, необыкновенное добросердечие толкали людей отдавать почти последнее.

Кто-то нес ведро пшеницы, кто-то – риса, кто-то делился ячменем, просом. Одна пожилая женщина застенчиво произнесла: «У нас нет зерна. Зато много сухофруктов. Солдатам нужны сухофрукты?» Я ответил, очень нужны. Тогда она сказала – возьмите и насыпала полный мешок. Везде: в узбекских, казахских, таджикских селах – в Бостанлыкском районе они перемешаны – с одинаковым участием откликались на призыв: «Все для победы!». Я не замечал никаких национальных различий, кроме, разумеется, разницы в быте, укладе. Взаимовыручка была интернацио-

нальной, единение – всеобщим. Война, казалось, навечно скрепила людей.

Сопоставляя тот непростой период с сегодняшними временами, думаю, что нынче отсутствует необходимая требовательность. В разных формах существует ее имитация, которая вряд ли кого-то способна ввести в заблуждение. Я не сторонник жестких мер, но знаю, что попустительство рождает безответственность. А в годы войны мы были преисполнены не только любовью к Родине, но и величайшим чувством долга, дисциплинированностью. Притом меньше всего было бюрократизма, заорганизованности. Исключительно живая работа. Совещания бывали короткими.

Да, усталость так или иначе давала о себе знать. Весь 1942, 1943 и 1944-й годы сельские работы в колхозе «Чирчик» в авральном порядке шли и по ночам. Я, как все, пропадал в поле – общественные хлопоты

Отец Рафика Нишанова (фото из домашнего архива).

Мать Рафика Нишанова (фото из домашнего архива).

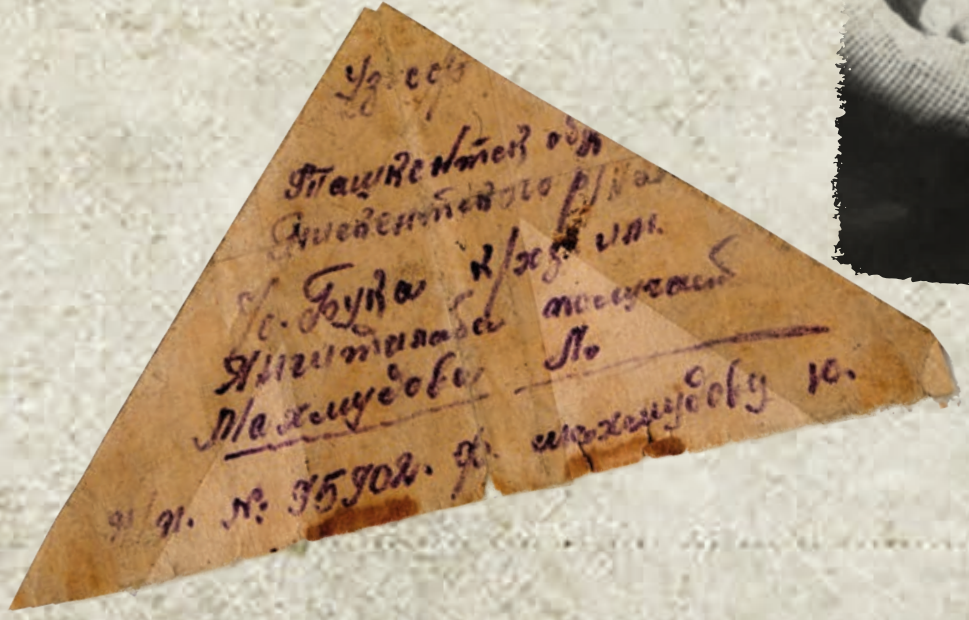
отнюдь не отменяли заботы об урожае. «Сороковые грозовые» упорно ассоциируются у меня с лунным светом: в яркие ночи полнолуния особенно быстро шла жатва и другие сельхозработы.

Пока отец был на фронте, главным мужчиной в доме за него оставался я. Начав работать в райкоме комсомола, я раз в месяц стал получать продовольственные талоны. Их в основном выдавали тем, кто не имел своего надела: эвакуированным, сосланным немцам Поволжья, крымским татарам. Однако учли, что семья у нас очень большая, полным-полно детей, необходимо подспорье. Хлеб по 250 граммов в день на человека давали в буханках. Для узбеков, привыкших к национальным лепешкам, они были необходимой, сверхжеланной едой. Всё это я хорошо помню.

Бойцам
Действующей
Армии.
от коллектива
швейной фабрики
им. М. Горького
г. Ташкент
Бойцам
Действующей
Кр. Армии
Бойцам
Действующей
Армии

Али Хамраев

Родился в 1937 году в Ташкенте. Когда началась Великая Отечественная война, ему было четыре года. Известный кинорежиссер и сценарист, многие его картины входят в золотой фонд узбекского киноискусства. Заслуженный деятель искусств Узбекистана, лауреат Государственной премии имени Хамзы, кавалер Ордена «Дружбы народов».

– Я не помню победного 9 мая. Наверное, все радовались, а мы не праздновали – папа был убит на войне в 1942 году. Мне тогда было пять лет, а моему брату – два года. Я отчетливо помню тот момент, когда мы получили это печальное извещение. Рано утром пришел почтальон. Двери в то время в махаллях не закрывались, он зашел во двор и крикнул: «Вам почта!» Мама вышла, а спустя некоторое время страшно закричала. Она забежала в комнату, начала обнимать меня с братишкой и причитать: «Папы больше нет! Убили папу!» Мы сильно испугались и тоже заплакали.

Несмотря на это, мама продолжала верить, что он жив, просто был ранен и попал в плен… Она хранила папин костюм, пальто, шляпу и галстук. Говорила: «Он обязательно

Али Хамраев берет землю с могилы отца. Смоленская область, 1973 год (фото из домашнего архива).

вернется с войны, ему понадобится этот костюм, как он пойдет на киностудию в солдатской одежде? Он же известный артист!»

Место его захоронения я нашел в 1973 году. Папу предали земле в деревне Чащёвка Смоленской области. Я отвез маме горстку земли с могилы, как она просила... Папа спас нас дважды: когда воевал с фашистами на фронте и когда маме пришлось продать его одежду, чтобы дети не умерли с голоду...

Все люди, пережившие то время,

Али Хамраев, 6 лет, 1943 год (фото из домашнего архива).

помнят карточную систему. Однажды я потерял хлебные талоны и боялся вернуться домой. Была уже ночь, я прятался в кустах, слышал, как мама звала меня. Потом я замерз, выполз и поплелся домой. Она меня обнимала и ругала: «Дурачок, да пусть эти карточки пропадут пропадом, главное, что ты живой!».

Очень хорошо помню, когда в 1946 году карточки на хлеб отменили. Мама дала мне деньги и велела купить две буханки. Очередь была огромная, но шла быстро. Подходили грузовики с буханками, несколько продавцов раздавали горячий хлеб. Люди приходили целыми семьями и набирали его в сетки, думая, что могут опять ввести прежнюю систему.

Я, пока шел домой, съел одну буханку. До сих пор помню это ощущение теплого хлеба с корочкой во рту. Я ел, давился, пил воду из арыка. И тогда мне казалось, что лучше нас никто не живет на этом свете…

До этого дня мама всегда делила хлеб на всех, а от своей порции отрезала еще кусочек, чтобы по-

том дать нам с братом перед сном. Иногда она подсушивала его и говорила: «Не ешьте, просто положите в рот и сосите...» Так и засыпали мы с этим сухариком во рту. Все это наложило свой отпечаток: я и сейчас все ем с хлебом, даже плов и лагман.

Мама во время войны работала диспетчером на Ташкентской киностудии (сейчас «Узбекфильм» – прим.). Я сам ходил в детский сад, война обязывала быть самостоятельным, а когда возвращался, часто сидел и ждал маму недалеко от киностудии у будки еврея-фотографа. Помню одну историю: была страшная жара, босые ноги утопали в пыли. Я побрызгал вокруг фотобудки водой из арыка, нашел веник, аккуратно подмел. Стало прохладнее. Фотограф меня похвалил и сделал за это мою фотокарточку на память. Смотрю я сейчас на эту фотографию и вижу худенького, не по годам серьезного мальчика. Жизнь

Отец Али Хамраева Эргаш Хамраев (фото из домашнего архива).

была непростая, я уже в пять лет понял, что такое безотцовщина...

Пока мама была на работе, я присматривал за братишкой, таскал воду и уголь со двора в дом. Вечерами мы сидели с братом у чугунной печки в телогрейках и шапках-ушан-

Открытка-поздравление с Новым годом от Эргаша Хамраева семье, 1942 год (из домашнего архива).

У нас в доме жила эвакуированная из Киева семья тети Фиры. Она часто варила красный борщ и ставила кастрюлю в арык остывать. Мы с братишкой пытались незаметно подползти к кастрюле, прямо из нее хлебали этот борщ. А тетя Фира кричала в окно: «Мальчики, вы же знаете, что красный борщ надо есть холодным! Я же обязательно дам вам по тарелке!».

Когда мне было лет шесть, я ходил на вокзал торговать, запевая такой текст: «Папиросы-спички, колбаса-яички!.. Подходи, народ – свой огород!» С поездов все спрыгивали и спрашивали колбасу и яйца, а у меня были только папиросы да спички. Так и зарабатывал. Мой товарищ таскал на рынках корзины и сетки расфуфыренных офицерских жен, я ему тоже запевку сочинил. Он орал во все горло: «Базар большой – народу много, русский барышня идет – давай ей дорога!» За это ему по рублю давали. Иног-

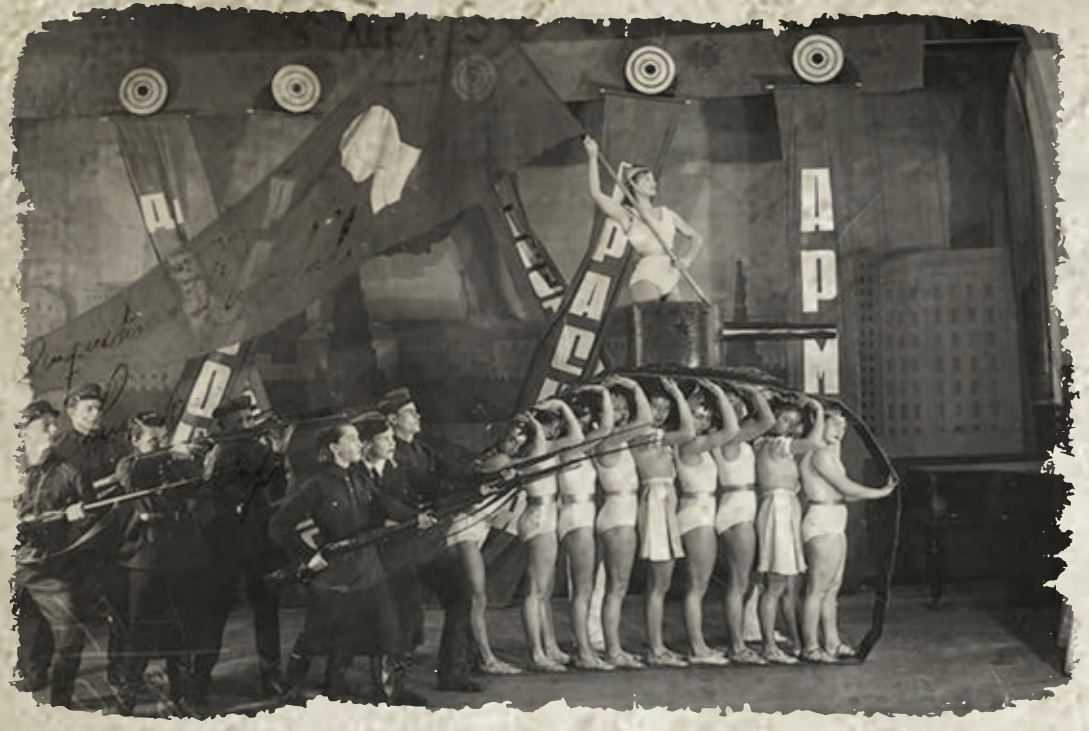
ках, ждали маму с работы: может, принесет что-то. Дрова и уголь быстро кончились, топили газетами, старыми тетрадками. После прихода домой мама укладывала нас, давала в рот леденец, и мы засыпали счастливые. Мне снилось то, что читал в сказках – кисельные берега, молочные реки, а еще горы из пирожных...

да продавцы на базаре угощали нас, видя, какие мы голодные. Некоторые ребята подбирали с земли упавшие раздавленные яблоки и ели их...

В то время я также снимался в массовке, за это давали небольшие деньги и кормили вареной капустой. Днем в кинотеатре «Родина» крутили фильмы, а ночью здесь шли съемки. Люди с удовольствием принимали в них участие за тарелку капусты, ведь на день давали всего 250 граммов хлеба.

В 1944–1945 годах в городе снимали фильм «Дорога без сна» или как потом его назвали – «Хирург». Он об узбекском враче, который

во время войны сделал открытие – новый метод сохранения рук и ног у раненых. Фильм так и остался на полках – запретили его показывать, не знаю, по какой причине. Я до сих пор его не видел, а очень хотелось бы посмотреть эту сцену в ресторане вокзала, может, сижу где-то там с краю в гуще людей…

Летом было жарко, и я спал на крыше под звездами. Брошу старую курпачу, смотрю в ночное небо… Я часто видел в нем лучи прожекторов. Потом я узнал, что это были какие-то учения на случай, если вдруг появятся вражеские самолеты. Эти прожекторы должны были осветить их, чтобы зенитки начали стрелять. Все очень боялись, что немцы придут со стороны Ирана.

С нами жил дед Хамро, отец моего папы. Он болел, мама ухаживала за ним. В свое время дедушка был против женитьбы своего сына на украинке, а потом все время говорил ей: спасибо, дочка… Ночами он молился, повторял какие-то «суф-куф». Говорил, что чертей отгоняет от нас с братом. Он прожил сто лет и все спрашивал у бога: «Зачем же сына моего забрал? Лучше бы я раньше умер вместо него…»

Когда мне было восемь, после учебы я приходил к дедушке, он сидел в чайхане, его угощали, а он оставлял что-нибудь и кормил

Кадр из киноленты военных лет.

меня. Потом он давал мне рубль на кино. Благодаря ему я посмотрел многие трофейные фильмы, которые привезли из Германии. Я увидел Чаплина и его «Огни большого города». Тогда я почувствовал силу киноискусства.

В памяти отложилась картина столичных улиц, на них было огромное количество инвалидов. Одни передвигались на костылях, другие – без обеих ног, сидя на доске с четырьмя подшипниками и отталкиваясь от земли. В трамваях я видел людей с обожженными лицами. Мальчишки говорили, что это либо танкист, либо летчик.

Вот так и жили. Голод. Холод. Чувство безотцовщины и беззащитности. Не дай бог, конечно, чтобы такие времена вернулись.

Холида Шомахмудова (Ольга Тимонина)

Одна из 15 приемных детей ташкентского кузнеца Шоахмада Шомахмудова и Бахри Акрамовой. Родилась в 1937 году в Молдавии. Когда началась Великая Отечественная война, ей было четыре года. Была эвакуирована в Узбекистан с началом военных действий.

– В четыре года я потеряла свою семью. Когда начались бомбежки, мои родители умерли. Мы со старшим братом некоторое время жили с солдатами в окопах. Всюду были выстрелы, крики и хаос.

Потом нас посадили на пароход, и мы долго плыли по морю в Россию. Мы с братом постоянно были вместе, держались за руки, чтобы не потеряться. Но, к сожалению, именно это и произошло. Когда нас сажали на поезд в Ташкент, началась суета, и мы потеряли друг друга. Я осталась одна и не знала, что делать.

В Ташкенте эвакуированных отправили в детский дом. Помню, как нам там все было в диковинку – теп-

лые комнаты с красивыми коврами, солнечные фрукты, которые были такими вкусными.

В детдоме надолго никто не задерживался, детей постоянно усыновляли новые родители. Однако я, почему-то, оставалась там. Мне было очень сложно и горько от этого, я часто плакала, вспоминая маму с папой. Однажды пришла женщина, это была Бахри ая. Она взяла меня за руку и сказала: пошли со мной – будешь жить у меня дома. И я пошла, ведь у меня никого не было.

Когда мы впервые зашли в новый для меня дом, Бахри ая дала мне чашку чая с молоком и ок канд – кусочек сахара. Потом моя новая мама познакомила меня со всеми: это отец – Шоахмад ота, а эти дети – твои братья. Чуть позже нам всем сделали метрики, Шоахмад ота и Бахри ая дали свою фамилию, и мы стали Шомахмудовы. Отец назвал меня Холидой, от узбекского «хол» – родинка, потому что на моем лице тогда было множество родинок. Мне понравилось это красивое имя.

Бахри Акрамова и Шоахмад Шомахмудов, 1963 год (фото из домашнего архива).

На новом месте все было непривычно: погода, уклад жизни и язык, который я поначалу не понимала. Но мне нравились эти люди, и я стала называть их мамой и папой.

Мы с братьями и сестрами получили шанс на мирную и счастливую жизнь. Летом мы любили лежать во дворе на курпачах и смотреть на небо. Мы засыпали, считая звезды. Зимой было очень холодно. У нас была самодельная печка, мы накрывали ее одеялом и забирались на нее греться.

Мы учились в школе №39 на Кукче. Все дети были разные, но мы всегда заботились друг о друге. Если кого-нибудь из нас обижали, мы все защищали его, поэтому никто не говорил нам лишнего слова.

Родители всегда говорили, что ябедничать – плохо, учили нас любить и уважать людей, не причи-

нять никому вреда, совершать добрые поступки.

Мама Бахри знала, что такое быть сиротой. Когда ей было три года, умер ее отец, а в семнадцать лет она потеряла мать. У нее не было своих детей, но нас она воспитывала как родных. Я никогда не забуду, как ласково она говорила.

Мама научила меня вести хозяйство, шить. Долгие годы потом я работала на швейном предприятии. Я была самая старшая из девочек, поэтому помогала ухаживать за младшими.

Наш отец был очень добрым человеком. Он много трудился в своей небольшой кузнице, и мы все помогали ему. Он приучал нас к разным ремеслам, чтобы мы смогли в будущем выбрать себе профессию. Так мы научились обрабатывать землю и следить за скотиной.

Мне очень нравится фильм «Ты не сирота». Когда я смотрю его, всегда вспоминаю об отце, матери,

братьях и сестрах. Но он не совсем точно показывает историю нашей семьи. Я понимаю, это ведь художественный фильм, и у его авторов был свой замысел – показать тяготы войны. Но на самом деле мы жили лучше.

Семья была многодетная, но нам всего хватало. Например, мы бы никогда не позволили маме самой выходить в дождливую погоду за хлебом. Также дети в фильме ели черный хлеб, худо питались, но на самом деле Бахри ая выпекала много горячего белого хлеба из пшеницы, которую мы сами же выращивали. Она готовила еду в большом казане, девочки ей помогали.

Каждый день мы пили домашнее молоко, которое давала наша корова-кормилица. Вот почему все были такие здоровые. Во время войны мы не голодали.

Мама также не продавала швейную машинку, а когда журналисты спрашивают про это, мы каждый раз достаем ее и показываем. У нас тогда не было нужды ее продавать.

Нам помогало государство и махалля. А после того, как журналистка из Москвы написала про нашу семью статью в газете, нам дали корову и землю. На ней мы сажали пшеницу, кукурузу, картошку и морковь.

Нас было много, мы росли. Постепенно начали строить свои дома вокруг родительского дома. Я работала наравне с мальчиками: месила глину, лепила из них кирпичи, делала кладку.

Наши родители взяли к себе в дом почти 20 детей. Кто-то умер еще в детстве от болезней. Кого-то после войны нашли и забрали родные родители. Меня тоже нашел мой старший брат. Он приехал в Узбекистан, чтобы забрать на родину, но я не поехала. Не захотела расставаться с домом, ставшим мне родным, со своей большой и дружной семьей.

Жестокая война лишила нас крова, родных и, казалось бы, будущего. Но Шоахмад Шомахмудов и Бахри Акрамова сделали все, что в их силах, чтобы мы не чувствовали себя обделенными. Они показали, что доброта узбекского народа не имеет границ. Пусть на нашей благодатной земле всегда царит мир.

Тулкин Искандаров

Родился в 1939 году в Ташкенте, где и провел годы Великой Отечественной войны. Академик Академии наук Узбекистана, возглавлял Институт санитарии, гигиены и профзаболеваний, занимал должности главного государственного санитарного врача, заместителя министра здравоохранения.

– Мой папа ушел на фронт в самом начале войны в июле 1941 года. С той поры он числился без вести пропавшим. Ни одной весточки от него мы так за всю прошедшую жизнь и не получили. Я не знаю, где и когда он погиб, в какой стороне похоронен, но уверен в одном – его душа всегда рядом со мной.

Я часто задавал маме вопрос об отце. Было видно, насколько тяжел был для нее ответ. После множества моих попыток узнать хоть что-либо, мама, собрав все силы своей души, ответила: «Сыночек! Твоя семья теперь – это я. Знай, что я всегда буду рядом».

Моя мама так и не вышла замуж, она полностью посвятила себя мне, единственному сыну, поставила на ноги, дала образование. Она была красавица, с гордой походкой, чер-

нобровая, с длинными косами. Мама ждала папу всю жизнь и верила, что он жив и даст о себе знать. Через десятилетия я обращаюсь сейчас к ней и бесконечно за все благодарю.

Мы жили в Ташкенте в небольшом глинобитном домике из двух комнат в районе Тахтапуля. Сложное было время, денег не хватало. Ташкент в военные годы был темным, с холодными зимами. Я, четырехлетний малыш, помню, как голодал – это чувство забыть невозможно, я пронес его через всю жизнь. Все дети войны дорожат хлебом, который, действительно, всему голова. Это не пустые слова, в них заключается правда жизни.

Я часто просил дедушку: «Дай, дай мне, ну пожалуйста, хоть кусочек хлеба!» Иногда я плакал и не мог заснуть от голода. Вместо хлеба мы готовили «затируху» или как ее называют по-узбекски «атала». В кипяток бросали и размешивали две-три ложки кукурузной муки, получалась белесая жидкость, «военный супчик», который давал лишь видимость насыщения.

Мама работала на хлебозаводе. Всего один-единственный раз за все военные годы она повела нас на свое рабочее место. Правила военного времени были строги: ни

одной крошки не разрешалось выносить за пределы завода, воровство строго каралось статьей «Враг народа». Зато на месте работникам разрешалось съесть положенную норму хлеба.

И вот мы стоим у проходной хлебозавода. Я и моя двоюродная сестренка были оглушены восхитительным запахом свежей выпечки, он был волшебным, окружал нас.

Мы зашли в подсобное помещение и чуть не упали в обморок от счастья: мама вынесла мне и сестренке целую буханку свежего благоухающего хлеба! Он был серого цвета, прямо из печи, еще горячий. Возможно, в нем были жмых, отру-

би, еще что-то. Но это был настоящий хлеб! Не могу передать эти чувства, слезы застилают мне глаза. Как же мы наелись тогда, первый и последний раз за всю войну.

Мы съели на пару с сестрой всю буханку сидя там же, в раздевалке хлебозавода, под взглядом горестно смотревшей на нас в слезах гардеробщицы, которая была маминой подругой. Мы бережно отправили в рот каждую крошку, смакуя ее. Это было блаженство. В конце осталось немного мякоти и горбушка. Мы, думая о голодной сестренке и рискуя, вынесли эти драгоценные кусочки за ворота завода. Я сообразил засунуть остатки буханки в свои шаровары и пронести через проходную. Это был огромный риск.

Конечно, этот военный хлеб я не забуду никогда. Целая пропасть разделяет меня нынешнего от того худенького полуголодного малыша в громадных шароварах, наевшегося до отвала один раз за всю войну, радостного и ликующего от того, что принес ту вкуснейшую горбушку своей голодной маленькой сестренке.

Владимир Бурмакин

Родился в 1938 году в Свердловске (Екатеринбург, Россия). Во время Великой Отечественной войны был в Ташкенте. Академик, заслуженный деятель искусств Узбекистана, лауреат государственной премии, член президиума Академии художеств Узбекистана.

– Мама моя из Ташкента, а папа – москвич, участник гражданской войны. В 1918 году он был ранен. Так сложились обстоятельства, что мои будущие родители, оказавшись в Свердловске, встретились и полюбили друг друга, а затем приехали в Ташкент.

К сожалению, в 1939 году папа погиб в результате несчастного случая. В Ташкенте случилась страшная авария: столкнулись два трамвая, в то время была всего одна колея, и вагоновожатые совершили ошибку, приведшую к трагедии. Тогда погибло несколько человек, было много раненых. Так я остался без отца, меня воспитывали мама, дядя и бабушка.

Во время войны мы жили в подвальном помещении с высоким, около четырех метров, потолком.

Я разрисовал всю стену, уже тогда мечтая стать художником. Наша семья и так жила бедно, а в годы войны стало еще тяжелее. Меня и младшую сестру определили в детский сад, он располагался в том месте, где сейчас находится школа №9. Рядом был так называемый «саманный» базар.

Хотя в те годы мы были маленькими детьми, хорошо помню тревогу, витавшую в воздухе, детей, оставшихся без родителей, трудности тяжелого быта, работавших с утра до вечера взрослых...

Руководство страны разработало план мероприятий по реорганизации хозяйства республики на военный лад и развитию оборонной промышленности. В Ташкент были эвакуированы десятки заводов и фабрик, увеличена мощность ряда местных предприятий. Однако, не хватало рабочих рук, практически все мужчины воевали на фронте. Ушел бить фашистов и мой дядя. Он был ранен и, к счастью, вернулся в родной Ташкент.

В стране в те годы были введены обязательные сверхурочные работы, рабочий день увеличился до 13 часов. По законам военного времени невыход на работу или опоздание строго каралось.

Я хорошо запомнил одно утро. В то время я был дома с бабушкой. От-

крылась дверь и пришла моя тетя, работавшая тогда на ламповом заводе. Она почему-то опоздала на предприятие и решила вообще не пойти, понадеявшись, что придумает, как объяснить свой прогул.

Конечно, она сделала это не специально. Тогда люди трудились до изнеможения не для себя, а для фронта. Тетя попросила ее спрятать, сказав, что сейчас за ней придут. Действительно, очень скоро пришли строгие люди и начали выяснять, где наша родственница. Они составили протокол и перед уходом напугали нас: «Где бы она ни была, мы ее все равно найдем!».

Тетя в это время сидела ни жива, ни мертва, спрятавшись в сундуке, где чуть не задохнулась. Меня не посвятили, чем закончилась эта история, но тете за тот прогул как-то удалось оправдаться.

Старый Ташкент в те времена был очень живописен: узкие улочки, местами мощеные камнем, глиняные дувалы, весной повсюду цветение урюка и яблонь. А на саманных кры-

шах одноэтажных домиков распускались яркие тюльпаны... Уже тогда я стал замечать красоту окружающего мира. Рисовать начал примерно с трех лет. Моя тетя на день рождения подарила мне краски, карандаши и альбом, сказав: «Рисуй, твой папа был художником».

Я хорошо запомнил день победы. Когда объявили о разгроме фашистской Германии, все высыпали на улицы, мы с ребятами носились по дворам и кричали до хрипоты: «Победа!». Затем все разошлись, чтобы отметить этот знаменательный день. Мама с соседкой также организовали пир: наварили картошки, достали приберегавшуюся для такого случая квашеную капусту. Этот скромный ужин стал для меня самым запоминающимся. И только значительно позже, став старше, мое поколение осознало, какой тяжелой ценой, какими невосполнимыми потерями досталась нам победа над фашистской Германией.

Вторую мировую войну можно назвать самой жестокой и кровавой в истории человечества. Она исковеркала жизни миллионов людей. Многие пали в бою. Наш народ всегда будет помнить, что из 1,5 миллиона узбекистанцев, принимавших участие в этой беспощадной войне, погибли свыше полумиллиона человек. В те годы узбекский народ принял около миллиона семей и детей с прифронтовых территорий, делился с ними питанием, кровом, душевной теплотой.

Зоя Саттарова

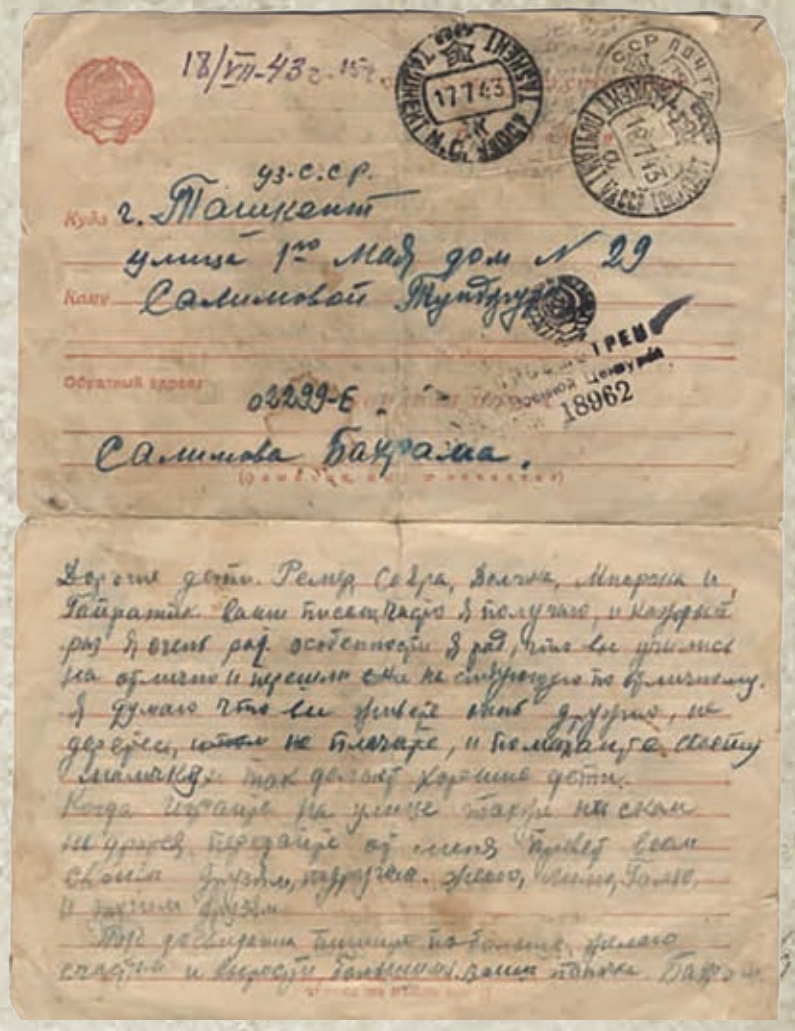
Родилась в 1932 году. Когда началась война, ей было девять лет. С 1941 по 1945 годы находилась в Ташкенте. Заслуженный работник народного образования, доцент Ташкентского института востоковедения, кандидат филологических наук, вдова генерал-майора Ислама Саттарова.

– Одно из самых ярких моих воспоминаний о тех годах – это колонны солдат. Они шли не строевым печатным шагом, а как-то устало и громко шаркая сапогами по вымощенной булыжниками Первомайской улице. Они проникновенно пели: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...»

У нас был большой общий двор, где жили шесть семей. Ни в одной из них не осталось мужчин: все ушли на фронт. Жил только старик Валиев, который отправил на войну двоих сыновей. Нам всем было очень тяжело смотреть на эти проходящие колонны солдат. А я до сих пор, когда слышу эту песню, не могу сдержать слез. Мне кажется, что мой папа вот так же устало шел на войну... Он оттуда не вернулся. Мы, пятеро детей, остались сиротами.

Папа был человеком штатским, работал директором школы, и его отправили на военную подготовку в Ленинское училище. Домой не пускали, но в выходные позволяли видеться с нами во дворе училища. Иногда нас даже и туда не пускали, мы протягивали руки через железную ограду, чтобы прикоснуться друг к другу: по одну сторону папа, по другую – мы. Примерно через три-четыре месяца его отправили на фронт. Один раз он написал нам письмо, когда был в госпитале – оно сохранилось до сих пор.

Однажды мне поручили присматривать за соседской девочкой, пока ее мама была на работе. Я была у них дома, как вдруг услышала громкий плач за дверью. Мы выскочили. Оказалось, пришла похоронка – мой отец скончался в госпитале от тяжелых ран. Плакала мама, соседи, все вместе. Это был 1944 год. Позже я пыталась найти место захоронения отца, но так и не смогла. После дол-

18/VII-43 г.
17763
УЗ.С.С.Р.
г. Ташкент
улица 1-го Мая дом № 29
Саламовой Тухтахун
ГРЕЧ
03299-Б.
18962
Саламова Баяхана.

Письмо с фронта от отца Зои Саттаровой.

гой переписки с военными архивами мне ответили, что его имя будет внесено в списки похороненных в братской могиле по месту нахождения госпиталя в деревне Долыссы (Псковская область – прим.).

Мама во время войны работала в типографии, где изготавливали антифашистские плакаты. Мы помогали ей. На большую полосу чистой бумаги накладывался трафарет из вырезанных букв, а сверху наносилась краска. Не помню уже, что конкретно на этих плакатах было написано: нам был интересен сам процесс. Наверное, что-то вроде: «Смерть фашистским оккупантам!».

Потом она работала на заводе, где изготавливали детали для оружия. Нас туда не пускали, потому что все было засекречено.

Я, как самая старшая, брала кар-

точки и ходила с утра за хлебом. Приходилось всегда стоять в большой очереди. Спустя столько времени я до сих пор удивляюсь – никто не толкался, не пытался пролезть вперед. Взрослые никогда не говорили: «Ты подождешь, малыш...». Мы все терпеливо ждали.

На нашу семью давали шесть карточек. На них были квадратики с числами на весь месяц. Продавщица отрывала с каждой карточки талон с сегодняшним числом и выдавала нам нашу порцию – кусок белого и черного хлеба. Господи, какой тогда был хлеб! Такой пушистый, мягкий! Хотя... Мы были постоянно голодные в то время, может, поэтому он таким и запомнился.

До сих пор вспоминаю, как я делила этот хлеб на пятерых детей, мама питалась на работе. Иногда получалось неровно, тогда подрежешь от большого куска и добавишь кому-то довесок. Я сейчас об этом с содроганием думаю: господи, как велик был соблазн этот кусочек проглотить самой! Но мы были такие честные! Каждый получал свой кусок и растягивал на день, мы понимали, что если сразу все съесть, то потом уже ничего не будет.

Как-то мама разлила по тарелкам кашу и написала на каждой первую букву имени того, кому она предназначалась. Младшая сестра еще не знала букв, а есть хотелось. Она пошла искать меня, чтобы я показа-

ла, какая тарелка для нее. Она боялась взять не свое.

Однажды у нас украли карточки, которые мама перевязала в одну пачку. Как всегда, наши двери были открыты, и мы с соседскими детьми бегали, играли, ловили майских жуков... В это время к нам пришла какая-то женщина и спросила маму, назвавшись ее подругой. Я ее никогда раньше не видела. Мама была на работе, и женщина сказала, что подождет ее. Я проводила гостью в дом, а сама пошла играть дальше.

Вечером, когда мама вернулась, дала задание на завтра – отоварить карточки на хлеб. Тогда выяснилось, что карточек нет. При этом в квартире имелись разные антикварные вещи, хорошая посуда, но все осталось нетронутым. Пропала только связка из шести карточек – почти месячный паек хлеба на всю семью!

Тут я вспомнила про «подругу» мамы. Когда мы зашли в дом, ее уже не было, она ушла без предупреж-

дения. Это была трагедия, мама в слезах задавалась вопросом, чем нас теперь кормить. Ей пришлось идти в военкомат, где удалось получить хоть какую-то помощь. А самую младшую сестру пришлось поместить в детский дом, там она находилась два года.

Нам, как многодетной семье, давали талоны в столовую. На первое был суп из лебеды – сорной травы, которая росла у арыков. В супе не было ни жиринки. Ешь его и не чувствуешь насыщения, только животы пухли. На второе была котлетка из картошки, а на третье – пончик или пирожок с повидлом. На пять ртов этого было мало.

Помню, для нас было большой радостью найти урюковую косточку. Мы тут же на улице раскалывали ее и с удовольствием съедали ядрышко. Это было так вкусно! Еще находили этикетки от конфет: мы нюхали их по очереди, и нас дурманил запах шоколада...

Зоя Саттарова (в середине) с подругами (фото из домашнего архива).

Вскоре после истории с карточками нам пришел денежный перевод. В нем значилась незнакомая фамилия отправителя. Мы так и не

Отец Зои Саттаровой (фото из домашнего архива).

узнали, кто оправил деньги, но они очень помогли нам в то время.

Когда пошел поток эвакуированных людей, квартиры в нашем дворе стали уплотнять, подселяли приезжающих. Среди них в очень тесной комнате, похожей на бывшую кладовку, жила одна немка – Софья Петровна. Иногда она звала меня к себе и угощала печеньем. Это была такая роскошь в то время! Я не понимала, зачем она это делает. Потом, когда стала старше, появилась мысль, что она, возможно, чувствовала некоторую вину. Ведь моего папу убили немцы.

Америка в то время оказывала нам помощь – отправляла ношеную одежду, которую раздавали многодетным семьям. Мне досталось шелковое платье и очень теплый свитер с дыркой. Я его любила, он был велик и потому закрывал меня всю и грел до кончиков пальцев и без варежек, которых не было.

Училась я в школе №50 на улице

Хорезмской, очень много читала. Даже когда мама отключала свет, я умудрялась читать при свете луны у окна. Ходила в кружки в Дом офицеров. Потом в нашей школе устроили госпиталь, там лечили раненых бойцов. Мы часто ходили к ним и устраивали концерты, читали стихи, пели и танцевали. Некоторые из солдат просили нас написать и отправить письмо родным. Они диктовали, а мы писали. Им очень нравилось, когда мы приходили, а мы были рады хоть чем-то помочь.

Помню, что в некоторых семьях вязали шарфы и варежки для фронта. Кроме того, на вокзале я видела толпы эвакуированных, которые сидели на расстеленном одеяльце или прямо на траве. Их встречали и забирали к себе домой узбекские семьи, выходившие к прибытию поезда. А когда наступало время новостей, все выходили на улицу и с замиранием сердца слушали голос из громкоговорителей, подвешенных на столбах.

Такими вот запомнились те годы. И здесь уместно вспомнить строки из бессмертного наследия Алишера Навои:

Поймите, люди всей земли, вражда – плохое дело,

Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела!

Загида Мамлеева

Родилась в 1933 году в Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия), обладательница медалей «Ветеран труда» и «Шухрат». На момент начала Великой Отечественной войны ей было восемь лет. Провела больше года в осажденном немцами Ленинграде. В Ташкент приехала в 1958 году.

– У нас была большая и дружная семья. Мама, папа, два брата и сестра. Когда к нам пришла эта страшная война, мне было восемь лет, я училась в первом классе. Отец в числе первых был призван на фронт, а мы остались дома. Тогда было сложно предположить, какой ад пройдут жители Ленинграда.

Мой старший брат Зариф, ему было тогда 13 лет, сразу пошел работать на оружейный завод. Он работал у станка, растачивая стволы для автоматов, а по ночам патрулировал город. Мама также работала на этом заводе.

Восьмого сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Наступила самая тяжелая для нас пора – зима 1941 года, когда морозы достигали 40 градусов, не было ни дров, ни угля. Съедено было все: и кожаные ремни, и подметки, в городе не осталось ни одной кошки или собаки, не говоря уже о голубях и воронах. Не было электричества, за водой голодные и истощенные люди ходили на реку Нева.

Работающему на производстве

человеку выдавали 250 граммов хлеба. Все остальные, в том числе и дети, получали 125 граммов. Стояли за пайком по несколько часов, не было сил ходить, но нельзя было расслабляться – иначе смерть. Тем не менее с самого начала войны и в тяжелые дни блокады мы верили: победа будет за нами.

Никто из нас не ожидал, что уже в первые дни немцы будут бомбить город и придется прятаться в подвалах и специально вырытых траншеях. Вначале было страшно. Свист бомб, взрывы и рушащиеся дома – все это вызывало ужас. Но очень скоро мы, мальчишки и девчонки, к этому привыкли и уже без страха дежурили по ночам на улицах и крышах домов. На чердаках гасили песком зажигательные бомбы, которые сбрасывали с самолетов.

Вместе со взрослыми я и другие дети моего возраста рыли окопы и противотанковые рвы на подступах к Ленинграду. Школы продолжали работать, однако детей приходило все меньше. Учились при свечах, постоянные бомбежки мешали заниматься. Постепенно учеба и вовсе прекратилась. С утра мы ходили в школу, иногда в классе было всего два ученика. После занятий я и моя сестра, опухшие от голода, пока были силы, продолжали работать в отряде местной обороны: сбрасывали с крыш и тушили зажигательные бомбы.

Зимой Ладожское озеро замерзло и можно было добраться до Большой земли. По ледовому коридору в блокадный город на грузовых машинах привозили продукты. Иногда лед не выдерживал и машины проваливались под воду и тонули.

В конце 1941 года после тяжелой болезни мама моя умерла. Мы остались совсем одни…

Так мы прожили всю зиму, весну, лето и осень 1942 года. С каждым днем было все тяжелее и тяжелее, но мы продолжали жить назло всем фашистам.

В начале зимы 1942 года отцу с фронта дали отпуск на 24 часа, чтобы вывезти нас, изможденных детей, через Ладожское озеро. Отец в последний момент смог посадить

нас на пароход и срочно вернулся на фронт, а мы одни отправились практически в неизвестность. Главным был мой 14-летний брат. Путешествие длилось 20 дней, и мы оказались в Краснослободске.

Здесь ситуация была очень сложной, еды не хватало, даже карточки на хлеб по 125 граммов просто не могли отоварить. Мы все время голодали, едва могли двигаться. Каким-то чудом, полуживые, мы добрались до места назначения – деревни, где должны были находиться наши родственники. Однако их там уже не было, они погибли в начале войны.

Тем не менее нас приютили незнакомые люди, мы прожили здесь свы-

ше двух лет, до самого конца войны. Практически сразу после приезда в деревню я ослепла – произошедшее в Ленинграде наложило свой отпечаток. Брат, чтобы прокормить нас, все время работал жестянщиком, старшая сестра ходила работать в колхоз, а я полуслепая оставалась дома с младшим братом.

Ташкент появился в моей судьбе благодаря войне. Мой папа водил поезда и на фронте подружился с парнем из Узбекистана Кучкаром Хакимовым. В ходе одного из сражений случилось так, что мой отец спас жизнь своему другу. Так они побратались на всю жизнь. Кучкар ака и после войны работал маши-

нистом, часто приезжал к нам домой.

Однажды Кучкар ака рассказал моему отцу, что у него есть сын и он хочет поженить нас и породниться через детей. В следующий раз он приехал к нам домой со своим сыном. Увидев прекрасного узбекского юношу, я решилась на свадьбу. В июле 1958 года я впервые приехала в этот прекрасный город к незнакомым мне людям. Однако здесь меня приняли, как родную дочку, и уже 30 июля сыграли свадьбу, на ней гуляла вся махалля.

Мухтар Худайкулов

Родился в 1936 году в кишлаке Жалайир Ферганской области. На момент начала Великой Отечественной войны ему было четыре года. Военные годы провел в родном селе. Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Узбекистана, ветеран труда.

– О войне мы с братом впервые услышали от родителей, они говорили об этом с большой тревогой. Однажды брат меня разбудил и сказал: вон, смотри, идут новобранцы. Мы от любопытства выбежали на улицу, как говорится, в чем мать родила, чтобы посмотреть на них. Они еще не были солдатами, шли в гражданской одежде и не строем, их лица были озабоченные и хмурые. Один из них, увидев меня, одновременно весело и с грустью крикнул мне: эх, мальчуган, увижу ли я своих детей? От этих слов я заплакал навзрыд и побежал обратно в дом. Тогда я начал понимать, какие ужасы несет война.

Моего отца не взяли в армию, он не подходил по возрасту. На фронт отправили троих моих дядей. Я хорошо помню, как мы провожа-

ли одного из них. Людей отправляли с железнодорожной станции Серово, которая была от нас в пяти-шести километрах. На перроне стоял военный эшелон, его окружила толпа людей. Старухи, женщины и дети громко плакали и кричали: «Ота!», «Ака!», «Болам, қаердасан?». Это был такой ужас.

В поисках дяди мы выкрикивали его имя, пока он не показался в окне одного из вагонов. Старшие дали ему лепешку и сказали откусить от нее. У нас есть такой народный обычай: перед долгой разлукой путнику дают откусить кусок от лепешки. Оставшийся хлеб надо повесить высоко на стену дома, как символ обязательного возвращения. И дядя вернулся.

Во время войны все голодали. Мама давала нам лепешку из неочищенной муки, жевать ее было трудно, мы отказывались ее кушать. Мама постоянно говорила: ешьте, ешьте – другого ничего нет.

Было много попрошаек. К нам часто приходили разные люди, просили еды. При том что у нас самих еды было немного, мать жалела их и выносила кусочек лепешки и немного сушеного тутовника. В свое время отец посадил во дворе нашего дома два тутовых деревца, которые во время войны спасли от голода не только нас, но и многих соседей, а также всех, кто забредал к нам в поисках еды.

Помню, у нас в доме жила семья: эвакуированная из Украины женщина, ее дочь Оксана и старик. Глава этого семейства был на войне. И мы делили с ними все, что у нас было. Девочка играла с нами, а дедушка постоянно курил и каждый раз вставал, увидев моего отца. Он не знал узбекского языка, а мой папа – русского, но они прекрасно понимали друг друга.

Однажды мы услышали, как они всей семьей плачут. Оказалось, на

фронте погиб отец семейства. Мои родители утешали их, как могли. Вскоре после этого известия умер и их дедушка. Мы не могли похоронить его сами, так как тело нужно было везти на христианское кладбище. Для этого отец специально нанял арбу, нашел людей, сделал все, что требовалось для достойных похорон уважаемого человека. Когда после войны мать с дочерью уезжали на родину, они поклонились родителям до земли. Я почему-то не взял их адреса. Интересно, что с ними стало потом?..

Проклятая война хоть и была далеко от нас, но постоянно напоминала о себе. Люди ходили хмурые и озабоченные. Старики и женщины работали на полях колхоза за ми-

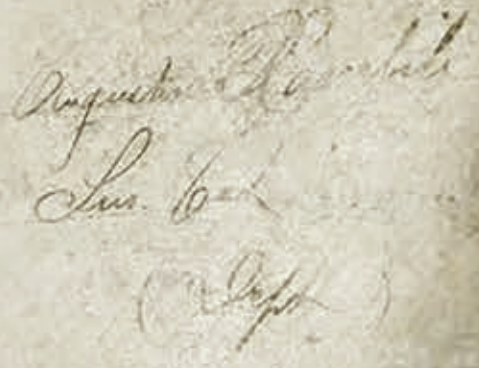
ску похлебки. Мы с братом учились вместе. Тогда школы почти пустовали, учителей забрали в армию, детей просто было некому учить. Ребятишек из начальных классов собирали в одну холодную комнату и рассказывали разные истории, сказки. Конечно, основной темой этих уроков была война. После учебы мы искали по всему кишлаку металлолом, который шел на строительство танков.

Тогда было два страшных для людей слова: «повуска» – повестка и «қора хат» – известие о смерти. Семьи получивших повестку об отправке на фронт с плачем провожали своих мужей, отцов и братьев. Во дворе, где получали «қора хат», были слышны страшные крики, соседи приходили к этим семьям и утешали как могли.

Люди радовались, когда получали письма с фронта – без конверта, сложенные в трех углах. Многие не умели читать, и я читал им эти письма. Обычно они начинались словами: «Соғ инчли салом...» (Привет от души... – прим.). В них сообщалось, что солдат жив-здоров или ранен. Многие письма заканчивались так: завтра пойдем в бой... Услышав это, слушатели начинали охать и плакать.

Когда на станции Серово люди замечали какого-нибудь человека в военной форме, весь кишлак сразу же узнавал об этом и бежал ему навстречу. Дети бежали быстрее всех, старики и старухи тоже ковыляли туда, как могли. Ведь это возвращался солдат с фронта! Семья, узнавшая в прибывшем фронтовике своего, окружала его, дети повисали на шее, женщины и старухи обнимали, еле сдерживая слезы. Другие наперебой расспрашивали у него о своих отцах, сыновьях, братьях.

Из троих моих дядей, воевавших на фронте, один погиб. Его жена умерла от тифа, их единственный

сын тоже. Так от этой семьи остался только пустой двор. Двое остальных вернулись домой. Одного из них ранили на войне – снайперская пуля сразила его в горло. Он говорил, что его подрезали как петуха.

Помню, когда вернулся брат моей матери, мы со всех ног побежали его встречать. У него на груди сверкало несколько медалей. Я тогда спросил у дяди: тога, вы стреляли в немцев? Он ответил: да, стрелял, и рассказал нам историю.

Они с однополчанами лежали в засаде. Недалеко показались немецкие солдаты. И дядя выстрелил в ногу одного из них, ранив фашиста. Командир приказал ему привести этого солдата живым. Пленный немец потом долгое время что-то говорил дяде, пытался целовать его руку. Как оказалось, он благодарил за то, что его не убили. Ведь пока он оставался в живых, был небольшой шанс на возвращение домой к детям.

Сам дядя был сильно ранен и после войны жил совсем недолго. Но он часто вспоминал этот случай и был рад тому, что не убил тогда немца. Позже я написал об этом рассказ. В 1982 году, когда я ездил с группой ветеранов войны в Польшу, я рассказал эту историю. Руководитель нашей группы, генерал армии Николай Лященко тогда сказал: вот что значит узбеки – стрелял в немца, как во врага, но пожалел, как человека.

Борис Пономарев

Родился в 1938 году в Ташкенте. На момент начала Великой Отечественной войны ему было три года.

– Начало войны, естественно, я не помню, мне было тогда совсем мало лет. А вот последующие годы – вторая половина 1943, 1944–1945-й – хорошо запечатлелись в моей детской памяти.

Например, хорошо помню, как в один прекрасный момент мы, пацаны, узнали о том, что в парке имени Эрнста Тельмана (сейчас это Central Park – прим.) снимают кино про войну. Мы немедленно решили побежать туда и все увидеть своими глазами.

Но родители строго-настрого запретили нам это, объяснив, что там идут съемки боевых действий, слышна стрельба, раздаются взрывы, в общем, там опасная обстановка, из-за чего парк оцеплен милицией, и туда никого из посторонних даже близко не подпускают. Если мы все же рискнем туда пойти, то нас непременно заберут куда следует. Этот последний аргумент «заберут» оказался для нас самым решающим, так как несмотря на детский возраст, мы уже прекрасно понимали значение слова «заберут» и решили не рисковать.

Спустя некоторое время мы увидели на киноэкранах этот вели-

колепный фильм «Два бойца». В нем снимались актеры, которых мы встречали на улицах Ташкента: Марк Бернес и Борис Андреев.

Ташкент всегда, в том числе и до войны, слыл городом с огромной прослойкой настоящей интеллигенции. Так оно и было на самом деле. Моих родителей тоже можно было смело отнести к числу интеллигентных людей, так как мама окончила Царскосельскую женскую гимназию, а папа имел два высших образования.

Но Ташкенту во многом повезло в том, что среди колоссального количества прибывших в наш город эвакуированных людей оказалось очень и очень много тех, кого можно было назвать сливками интелли-

Борис Пономарев в детстве (фото из домашнего архива).

генции Советского Союза. Это были известные актеры, композиторы, поэты, писатели, художники, профессорско-преподавательский состав эвакуированных вузов страны, режиссеры театра и кино, научные работники, изобретатели, талантливые конструкторы.

Так, например, впоследствии я окончил энергетический факультет Политехнического института, который вел свое происхождение от эвакуированного во время войны энергофака Днепропетровского индустриального института, причем многие его преподаватели остались навсегда жить в Ташкенте, включая нашего замечательного декана Николая Исааковича Топерверха. Моя жена окончила Ташгосконсерваторию, в которой были педагоги эвакуированной Ленинградской консерватории, оставшиеся жить в Ташкенте и после окончания войны.

Я помню, что своеобразным серд-

цем для эвакуированных деятелей культуры было трехэтажное жилое здание на улице Пушкинская, дом 29, оно было реконструировано до войны. В этом доме жили актеры Марк Бернес, Петр Алейников, Борис Андреев, Фаина Раневская и композитор Никита Богословский.

Мои друзья детства, жившие в данном здании и в жилых строениях во дворе этого дома, рассказывали, что в самом начале войны в нем с грудным сыном жила секретарша Бывалова из фильма «Волга-Волга», которая потом куда-то переехала.

Никто тогда не мог предположить, что эта самая «секретарша» менее чем через десять лет превратится в потрясающего члена семейного эстрадного тандема «Мария Миронова и Александр Менакер», а еще спустя годы станет мамой гениального актера Андрея Миронова.

В связи с тем, что актеры часто снимались в фильмах в Алма-Атинской киностудии, они то и дело ис-

чезали с ташкентского горизонта, а затем появлялись вновь. Эти же самые друзья моего детства рассказывали, что жилось актерам нелегко, так как их нередко видели на соседнем Алайском базаре, где они пытались продать с рук кое-какие свои вещи, чтобы купить там же что-либо из продуктов питания.

Относительно недалеко от нашего дома, на той же четной стороне улицы Жуковского, но за пересечением с улицей Карла Маркса, в одноэтажном домике жила знаменитая поэтесса Анна Ахматова. Так как в то время у советских людей еще не было холодильников, ей чуть ли не каждый день приходилось ходить

мимо нашего дома на Алайский базар за продуктами.

Своим внешним видом она разительно отличалась почти ото всех женщин, живших в нашей округе. В ту пору все люди были одеты в неприглядную одежду черного, серого и коричневого цветов. Одежда Анны Андреевны была более яркой, что вызывало удивление, а нередко и осуждающие взгляды со стороны пуритански настроенных женщин.

На Ахматову эти взгляды явно не производили никакого впечатления. Сейчас я не думаю, что она намеренно эпатировала публику своим внешним видом. Нужно принять во внимание, в какой страшной спешке почти всегда осуществлялась эвакуация, поэтому у нее, наверняка, просто не было другой одежды.

Другая эвакуированная в Ташкент знаменитость – писатель Алексей Толстой – жил тоже в одноэтажном доме, но на улице Первомайской, недалеко от пересечения с улицей Карла Маркса.

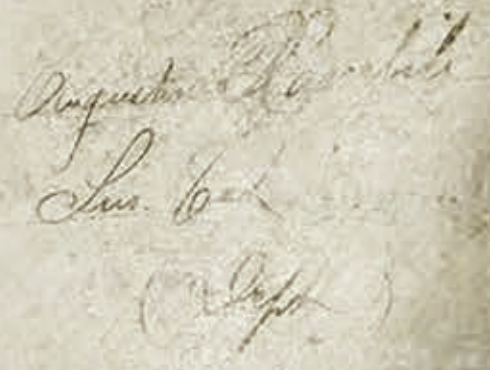
В военные годы мы, мальчишки, нередко встречали на улицах Ташкента еще одного чрезвычайно популярного актера – Льва Свердлина. Совсем недавно я узнал, что он жил у своей сестры в Геоктепинском переулке. Это небольшой переулок между улицами Туркестанской и Железняка, недалеко от того места, где потом был построен театр имени Алишера Навои.

Анна Ахматова.

Тамара Ханум.

Хошим Ходжинберганов

Родился в 1931 году в Ташкенте. Во время начала Великой Отечественной войны ему было 10 лет. У него 22 внука и 38 правнуков.

– Война лишила меня детства, наверное, как и многих моих ровесников. Мы все очень быстро повзрослели – жизнь уже не позволяла нам оставаться детьми. Когда началась война, отца сразу забрали на фронт. В доме остались мама, старшая сестра Зайнаб и младшая сестренка Рахбар, родившаяся в 1941 году, а также парализованный дедушка – отец матери.

Я только закончил второй класс и дальше уже не смог продолжить образование, потому что на мои плечи легла забота о маленькой сестренке и о дедушке, ведь мама и старшая сестра работали в колхозе с раннего утра и до позднего вечера. За это они могли рассчитывать на небольшую порцию баланды. Больше колхоз ничем помочь не мог.

Помню, как мне тяжело было слу-

шать плач маленькой сестренки, понимая, что она голодна. Я разбавлял ей молоко водой и кормил. Было очень тяжело, я никогда этого не забываю, даже спустя столько лет, хотя иногда хочется. Зрения у меня уже почти нет, слух – плохой, а вот память – не отпускает.

Отец не вернулся с фронта, в 1942 году матери из военкомата пришло извещение о том, что он погиб. Вот тогда я уже точно понял – я единственный мужчина в семье и должен помогать матери, на мне лежит большая ответственность.

В те годы моим самым большим желанием было поесть вдоволь, не переживая, что не достанется маме, дедушке и сестрам. Я мечтал о куске горячего белого хлеба или лепешке, засыпая полуголодный и уставший поздним вечером. Ели мы баланду, которую давали маме и сестре в колхозе. Ее было так мало, что она едва поддерживала в нас силы.

Как-то один из внуков спросил, были ли у меня игрушки? Я тогда рассмеялся, но во время войны это было совсем не смешно. Какие игрушки? У нас не было самого элементарного – ни спичек, ни одежды, ни еды. Мы мечтали об одном – жить.

Помимо сестренки и дедушки я также должен был ухаживать за коровой, которую можно назвать нашей спасительницей. Благодаря ей мы выжили, на нашем столе появлялось что-то съедобное, кроме баланды. Ее молоко давало нам силы. Конечно, мы оставляли себе только часть молока, а остальное продавали или меняли у соседей на другие продукты.

На нашей улице Калинина (сейчас Газалкентская – прим.) было очень много эвакуированных семей – русских и евреев, многие из них приходили к нам за молоком. Мы, можно сказать, молились на нашу кормилицу, которая спасала нас. Я и потом, уже после войны, всегда старался, чтобы в нашем доме была корова. Есть она и сейчас. Правда у

меня уже нет сил за ней смотреть, теперь этим занимается моя невестка, и у нас всегда есть свежее молоко, которое я очень люблю.

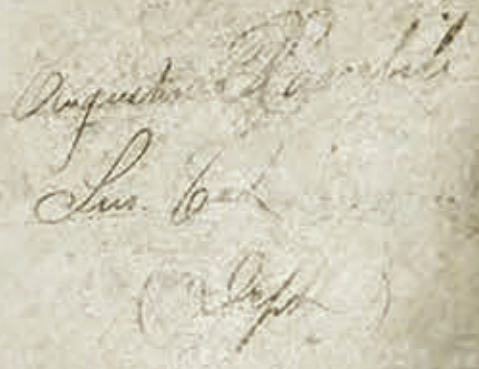
Так я и рос, целыми днями проводя в заботе о сестренке, дедушке и корове. Бывало, прибегут друзья и зовут меня поиграть на улице. Дети же, все равно хочется поиграть, но я не мог оставить свой «домашний пост», нельзя было. Только иногда после тяжелого рабочего летнего дня я мог позволить себе пойти со сверстниками искупаться в реке Корасу.

Так мы и продержались до конца войны. Очень хорошо помню этот день, когда по радио объявили о победе. Это была такая радость, которую невозможно передать словами, я даже не могу вам сказать, какие чувства тогда охватили всех нас.

Конечно, после войны еще долгое время было очень сложно, у соседей с фронта возвращались отцы, деды, мужья и братья, а мы остались одни. Были, конечно, и такие как мы, у которых родные погибли на фронте. Было очень тяжело осознавать вновь и вновь, что наш отец уже не вернется.

Я знал, что должен дальше работать, заботиться о матери и сестрах. А куда мне было тогда идти с двумя классами образования? Я устроился работать учеником слесаря на автобазу Облпотребсоюза, в колхоз идти не захотел. После армии в 1957 году поступил на работу в таксомоторный парк (сейчас третий автобусный парк – прим.), где проработал 38 лет и в 1991 году вышел на пенсию.

Мне уже 90 лет, я прожил долгую жизнь, такую долгую, что сейчас в махалле даже не осталось моих ровесников, друзей. Грустно мне очень от этого, но и в то же время радостно, что я окружен своей семьей, детьми, внуками и, самое главное, что над нами мирное небо. И пусть так будет всегда.

Клавдия Бергман

Родилась в 1930 году в Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ей было 10 лет. В Узбекистане живет с 1972 года.

– У нас была большая семья – отец, мать, три брата и я. Папа умер перед самой войной от болезни. Братья ушли на фронт. Так мы с матерью остались одни.

Блокада Ленинграда началась в сентябре 1941 года, мне тогда было 10 лет. Помню, пошла в школьную библиотеку сдавать учебники. Через дорогу от школы ездил трамвай, и в нем я увидела немца. Я очень испугалась и побежала домой, ведь тогда мы уже знали, что враги переодевались в обычную одежду и убивали людей.

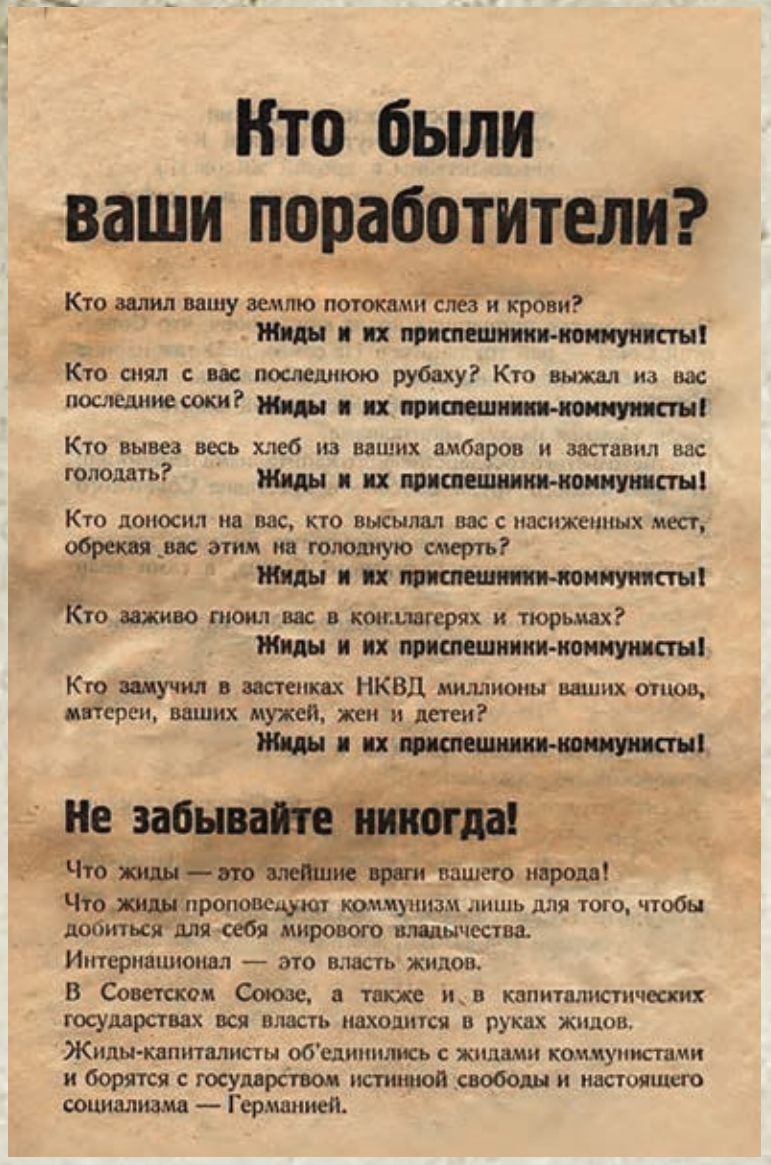
Потом пришла пионервожатая и сказала, что нас, школьников, разделили на группы, чтобы помогать в обороне города. Надо было собирать листовки – немецкие прокламации, которые призывали переходить на их сторону, а так-

же дежурить на крышах. Листовки нельзя было долго держать в руках, за это было наказание, нам поручили сразу убирать их в мешки и ящики.

Пионервожатая научила детей, как обезвреживать зажигательные бомбы, мы их называли «зажигалками». Они летели с большой ско-

Кто были ваши поработители?

Кто залил вашу землю потоками слез и крови?
Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто снял с вас последнюю рубаху? Кто выжал из вас последние соки? **Жиды и их приспешники-коммунисты!**

Кто вывез весь хлеб из ваших амбаров и заставил вас голодать? **Жиды и их приспешники-коммунисты!**

Кто доносил на вас, кто высылал вас с насиженных мест, обрекая вас этим на голодную смерть?
Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто заживо гноил вас в концлагерях и тюрьмах?
Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто замучил в застенках НКВД миллионы ваших отцов, матерей, ваших мужей, жен и детей?
Жиды и их приспешники-коммунисты!

Не забывайте никогда!

Что жиды — это злейшие враги вашего народа!

Что жиды проповедуют коммунизм лишь для того, чтобы добиться для себя мирового владычества.

Интернационал — это власть жидов.

В Советском Союзе, а также и в капиталистических государствах вся власть находится в руках жидов.

Жиды-капиталисты об'единились с жидами коммунистами и борятся с государством истинной свободы и настоящего социализма — Германией.

Немецкая агитационная листовка.

ростью, вращались и шипели, если их не поймать, они проламывали крышу и дерево на чердаке загоралось. Пожары сеяли хаос. Вот так мы и дежурили: один день собирали листовки, другой – стояли на крышах.

Воды в городе не было, она вся замерзла, а хлеб давали по карточкам, всего 125 граммов. За ним стояли громадные очереди. В Ленинграде был голод, поэтому карточки иногда просто вырывали из рук. Потом мама заболела и слегла, отоваривать карточки стало некому. Я помню этот страшный момент, проснулась – а она лежит рядом мертвая. Это произошло из-за голода.

Так я осталась одна. Голодная бегала по Ленинграду. Таких детей, как я, называли дистрофиками. У нас не было ни родителей, ни хлеба, ни карточек, ни воды. Никого и ничего. Мы были такие худые.

Голодные люди стояли в очередях за хлебом, многие просто там па-

дали и умирали. Их заворачивали в ткань и увозили на кладбище. Квартиры постепенно пустели. В них врывались мародеры и забирали все, что могли найти ценного. Люди были разные. Так я пережила почти всю блокаду.

Однажды нас, дистрофиков, собрали в приемный пункт. Смотрели, кто в каком состоянии находится. Тех, кто еще мог ходить, забирали, а кто не мог – оставляли умирать. Помню, как один военный вел меня за руку по ступенькам на баржу, чтобы вывезти из Ленинграда в Куйбышев, а оттуда – в детский дом. Баржа качалась, сил не было, ноги подкашивались.

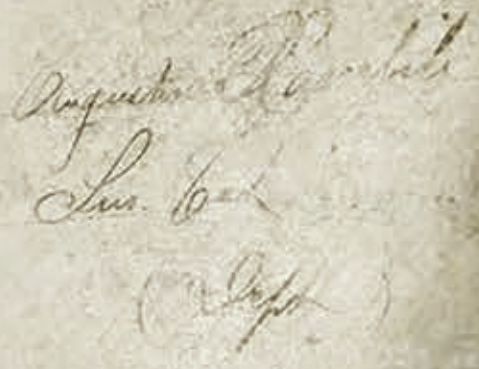
Пока нас везли, баржу постоянно бомбили, она вся ходила ходуном, колыхалась. Конечно, доплыли не все, там была настоящая мясорубка. Кто-то погиб от пуль и бомб фашистов, кто-то – от голода и дистрофии.

Один раз мне удалось рассмотреть немецкого летчика, когда он пикировал, чтобы сбросить бомбу. Он улыбался. А как гудели эти немецкие самолеты!.. Я помнила этот звук еще несколько лет. Такой особый у них был звук, завывающий. Звон долго стоял в ушах…

Помню, когда нас привезли в Куйбышев, шел снег. Мы были босиком и очень легко одеты. Нас стали развозить по детским домам, но многие из них отказывались брать ленинградцев. Мы были такие худые. Наверное, боялись, что нас просто надо будет хоронить.

Из детского дома моему старшему брату написали, где я нахожусь. Он попросил свою знакомую забрать меня к себе под опеку. Договорились, что потом он с ней рассчитается за мое воспитание. К сожалению, он не смог, все братья погибли на войне.

В детдоме в Куйбышеве меня одели, снарядили и посадили на поезд в Свердловск. Одну. Там меня никто не встретил, какой-то военный

отвел меня в дом, где жила эта женщина – Анна Андреевна. Помню свои первые впечатления – в тот момент она кормила свою дочку яичницей, а та капризничала. Я была в шоке – как так можно относиться к еде?

Тетя Аня не обрадовалась мне – очень худой, наголо подстриженной и голодной девочке. Жить у нее было несладко, я ей не очень была нужна. Своих детей она холила, а я...

Я была тихая и покорная, ничего не просила, ни одежды, ни еды, даже хлеба боялась попросить. Я чувствовала, что я там была чужая. После Ленинграда я была рада всему, что имею. Жизнь была настолько тяжелая...

Я закончила школу, а потом техникум по специальности ПГС (промышленное и гражданское строительство – прим.). Помню, много читала. После учебы начала работать конструктором, и Анна Андреевна попросила меня уехать. Организация, где я работала, снимала мне квартиру. Я была очень рада, что тетки там нет, что я работаю, получаю хоть какую-то зарплату.

Потом вышла замуж. Муж воевал и после войны очень болел. Ему посоветовали сменить климат, в Свердловске было очень холодно. Он выбрал Узбекистан, и мы уехали в 1972 году.

Вся жизнь была тяжелая. Война все перемешала. Желаю, чтобы не было войны, пусть у будущих поколений будет хорошая жизнь.

Шакиржан Гибайдуллин

Родился в 1930 году в Оренбургской области (Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ему было 11 лет, проживал в Ташкентской области.

– Самое прекрасное время для каждого человека – беззаботное детство и молодость. Но для меня эти годы пришлись на суровое время войны. Даже сегодня спустя десятилетия мне нелегко говорить о том тяжелом периоде. Память меня иногда подводит, но тяжелые годы моего детства до сих пор не дают мне спокойно спать, вызывая кошмары.

Я родился в одном из небольших поселков в Оренбургской области в большой и дружной семье. Нас было пятеро детей, имелось хорошее хозяйство, благодаря которому мы жили. В то время в стране начались репрессии, и семье пришлось переехать в Ташкент, а затем в поселок Ханабад в Ташкентской области. Здесь я пошел в школу, рано начал работать. Жизнь семьи после

переезда, казалось, налаживалась, но все наши планы о мирной жизни разрушила война.

Большинство мужчин отправились на фронт, многим не суждено было вернуться в родной дом, они погибли на полях сражений или пропали без вести. В августе 1941 года на войну ушел мой отец. Не только в семье, но и всей махаллей мы напутствовали его не щадить врага и вернуться с победой. Больше я никогда его не видел... В 1943-м пришла похоронка, и я, можно сказать, сразу повзрослел. Надо было заботиться о братьях и сестрах.

В махалле еще до войны очень

уважали моего отца за его честность и трудолюбие. Он проработал всю жизнь кузнецом и меня научил этой тяжелой, но такой необходимой на селе профессии. Сначала я обучился подковывать лошадей, затем стал изготавливать сельскохозяйственные орудия.

Особенно востребованными мои знания и умения стали во время войны. Большинство мужчин ушли бить фашистов, и всю тяжесть изнурительного труда взяли на себя женщины и дети. Так, еще совсем мальчишкой, я стал участником трудового фронта. Как и тысячи моих ровесников, я работал в кузнице, стоял у станка, обрабатывал детали для снарядов. Так мы заменяли ушедших на фронт отцов и братьев.

Надо сказать, что согласно законам военного времени, требования ко всем работающим, независимо от пола и возраста, были очень жесткими. Люди буквально валились с ног от усталости. Рабочий день был 13 часов, часто без выходных, без отпусков. Самовольный уход с работы карался заключением от пяти до восьми лет и имел самые тяжелые последствия.

В городах ввели карточную систему. Люди недоедали. Иногда на улицах подбирали трупы людей,

умерших от истощения. На нас, сельских жителей, нормирование продуктов не распространялось, что осложняло и без того трудную жизнь дехкан. Но результатом всех этих страданий было поступление необходимой техники, сырья и продуктов на фронт.

Особенно тяжело мне стало, когда к моей работе в цехах завода прибавились трудодни на полях, ведь мы жили в сельской местности. Собирали хлопок, зерно, фрукты и овощи, заготавливали сухофрукты. Среди этого, как нам тогда казалось, изобилия еды, не было ни малейшей возможности оставить что-нибудь себе или принести домой. Во всем был строжайший учет и контроль, да и мы сами знали, что это для фронта, для победы над врагом.

Помню, самыми счастливыми моментами для меня были те, когда я, придя домой, обнаруживал пару зерен в складках одежды. Это была дополнительная пища, а значит – силы и жизнь. Не всем моим друзьям из нашей махалли удалось пережить тот страшный голод. Были моменты, когда мы с ребятами от недостатка еды ели стерню – остатки хлопковых стеблей и семян. Многие травились такой едой и умирали...

И все же люди старались помогать друг другу. В Узбекистан продолжали прибывать эвакуированные семьи, дети, оставшиеся без родителей. Несмотря на тяготы и лишения, выпавшие на долю узбекского народа, все они находили здесь приют и второй дом.

К сожалению, тяготы тех лет не вынесла моя старшая сестра. Как и многие ее ровесницы, она еще до войны, чтобы ни в чем не отставать от мужчин, выучилась на трактористку. Техника в те годы была не то, что сейчас. Это был действительно железный конь без кабины, нагревавшийся в жару и открытый зимой всем ветрам и морозу.

Тракторов тогда было мало, поэтому они не должны были про-

стаивать, работать трактористам приходилось круглые сутки, в две смены. Требования ко всем без исключения были очень жесткие – пока не выполнишь норму, с поля не уйдешь. Поэтому, все как могли, помогали друг другу, но план выполняли. И все это впроголодь, на грани истощения. Так от тяжелого физического труда, болезней и недоедания умерла моя старшая сестра...

Ближе к концу войны, постепенно, в нашу махаллю стали возвращаться ушедшие на фронт. Но возвращались они, кто без ноги, кто без рук, а кто-то так и не вернулся...

День Победы 9 мая стал для всех нас, переживших войну, поистине праздником со слезами на глазах. Мое поколение повидало нелегкое время. От голода и лишений умерли несколько моих друзей. Погиб на фронте отец. Но началась мирная жизнь. Я продолжил работать по своей специальности кузнеца. В 1953 году женился, у нас с супругой родилось семеро детей – три девочки и четыре мальчика. Девять внуков получили высшее образование. У меня семь правнуков.

Всегда говорю, что мир – главная ценность, и надо прилагать все усилия, чтобы его сохранить. И никогда не забывать наших отцов и дедов, не пожалевших жизней ради мирного неба и благополучия нашего народа.

Зайнет Кузьмина

Всю жизнь посвятила спорту. Долгие годы работала тренером по спортивной гимнастике и воспитала целую плеяду узбекских спортсменов. Родилась в 1937 году в Ярославле (Россия). В Узбекистан была эвакуирована в 1944 году. На момент начала войны ей было четыре года.

– Мой отец Михаил Козлов был политруком, поэтому мы часто меняли место жительства. Перед Великой Отечественной войной наша семья жила в Запорожье, потом в Днепропетровске. Оттуда отец и ушел на фронт. Я помню, как он нес меня на плечах по дощатой дороге, и это был последний раз, когда я видела его живым…

Больше я ничего не помню о нем. Он погиб в 1943 году, но мы получили извещение о смерти, когда уже жили в Ташкенте, в 1946-м. К сожалению, нам не удалось найти место его захоронения, оно нигде не значится.

В 1943 году Днепропетровск захватили немцы. Помню оглушительную стрельбу орудий. Мы боялись, прятались. Я не знаю сколько это длилось, но я была в состоянии

шока. Какое-то время мы были под оккупацией, пока Советская Армия не освободила город.

Часто вспоминаю один момент. Я была очень худенькой, с большими глазами и носом. В то время немцы и полицаи ходили по домам, искали евреев. Мама прятала меня на чердаке, боясь, что примут за еврейскую девочку. Помню, закроет тряпками и говорит: «Сиди, молчи, пока я к тебе не зайду». Мне было страшно. К счастью, полицаи ни разу не поднялись на чердак, но этот детский страх навсегда остался со мной.

Потом, когда прогнали немцев, пленные восстанавливали разрушенную школу. Мы, дети, бегали на них посмотреть. Ребята, что постар-

ше, дразнили их, ругались, плевались, кидались камнями. Некоторые дети жалели пленных и иногда приносили им кусок хлеба. Немцы пальцем манили детей и через решетку гладили их по голове. Не все они были фашистами и хотели воевать, убивать людей. Они тоже скучали по своим семьям, оставленным на родине.

В октябре 1943 года пришел приказ о срочной эвакуации военного завода. Моя мама – Мария Козлова, работала на этом заводе, и я так понимаю, все, кто там работал, эвакуировались в Среднюю Азию. Но в тот момент мы не знали, куда нас увезут.

Собирались быстро, времени было очень мало. Мама взяла два чемодана, одела меня и велела срочно собираться сестре, Кларе, ей тогда было 15 лет, и моему десятилетнему брату Аркадию. Ехали мы в товарном вагоне, в теплушке. Почему-то я запомнила, что в дороге все время хотелось пить.

Ехали очень долго, но были остановки. Один раз прилетели самолеты и началась страшная бомбежка. Поезд остановился и люди выскочили из вагонов, стали прятаться кто где мог. После этого налета потерялся брат. Мы бегали, искали его, но так и не нашли. Поезд не мог нас ждать, и мы уехали дальше с горечью в сердце.

Так мы добрались до Фрунзе, где прожили почти год. Сестра Клара так там и осталась. В октябре 1944 года нас с мамой перевезли в Ташкент. Здесь находилось военное производство на базе электротехнического завода «Фотон». В народе его называли «ламповый».

Мои первые воспоминания о Ташкенте – это добрые люди, которых, к сожалению, уже давно нет в живых. Нас расселили в один из частных домов. Тогда я узнала, что такое «махалля». Мы попали к бабушке с дедушкой. Так мне казалось в те времена, но, возможно, они были младше. Я не знаю ни их адреса, ни имен. Но говорю им «спасибо» по сей день.

У нас была тогда странная жизнь: они ни слова по-русски, а мы – по-узбекски. Бабушка кусочек лепешки принесет, пиалу кислого молока. Это был октябрь, еще фрукты были, и самым вкусным угощением была тарелка винограда. Дедушка подойдет бывало, смотрит на меня и гладит по голове. Такие теплые руки. У них никогда не закрывались двери в доме, там не было запоров и воров тоже не было. В наш дом все время приходили добрые люди, что-то приносили, помогали...

Мы прожили в этой махалле месяца четыре, так как она была далеко от завода, нас переселили поближе, рядом с бывшим театром Свердлова (бывшее здание Республиканской фондовой биржи – прим.), в «пьяный двор». Почему он так назы-

вался, я до сих пор не знаю. Помню, заходишь во двор, а там широкий арык, мостик и по кругу стояли домики.

Нас поселили к одинокой женщине. У нее была одна комната и какая-то пристройка, в которой поместилась только кровать, а под ней наш чемодан. Помню, на улице стояла большая печь, и все женщины занимали очередь, чтобы к празднику что-то испечь. При этом всех детей угощали печеным. Хорошие и дружные люди там жили, несмотря на название.

С братом Аркадием, который потерялся во время бомбежки, мы встретились через 10 лет. Он сам нас нашел, но годы бродяжничества и беспризорности дали о себе знать, и в дальнейшем его жизнь пошла наперекосяк.

Мама после войны продавала на базаре платки. Где-то она покупала старые парашюты, раскраивала их, а я по шаблону наносила рису-

нок и раскрашивала их несмываемой краской. Мне было лет семь–восемь.

В 1947 году мама встретила моего отчима, Пасхалиса, который стал нам родным. Он воспитал не только меня, но и внуков. Он родился в Греции. В молодости пел в церковном хоре, потом попал к партизанам и участвовал в войне. Приказом Сталина греков привезли в Ташкент. Все помнят, что в Ташкенте был «греческий городок». В Греции у него остались сын и дочь, но они отказались общаться с отцом, так как он переметнулся к коммунистам. Мы же стали его настоящей семьей. До конца своих дней родители прожили в Ташкенте, любя его за теплоту и доброту.

Владимир Жерихов

Родился в 1930 году в Горьком (Нижний Новгород, Россия). Находился в этом городе с 1941 по 1945 годы. Во время начала Великой Отечественной войны ему было 11 лет. В Узбекистан приехал в 1960 году.

– Войну наша семья встретила в Нижнем Новгороде, тогда этот город носил другое название – Горький. Она началась с топота сапог. Асфальта в то время не было, дороги были выложены булыжниками. Каждый вечер по этим дорогам, начиная с 22 июня 1941 года, солдат перегоняли с места на место, отправляли на пароходы, а там – на фронт. Днем запрещали это делать, чтобы не пугать народ...

Осенью начались бомбежки. Нас очень сильно колошматило: утром разведчики летали над нами, а после – в восемь вечера бомбили. Горький был тылом, где производили основную массу вооружения. Поэтому наши заводы и фабрики бомбили каждый день. Они были большие по площади, в них легко было попасть, поэтому все промышленные объекты были разрушены, везде были огромные ворон-

ки от бомб. Мост через Волгу тоже пытались разрушить, но не получилось: сколько раз сбрасывали на него бомбы – ни разу не попали.

У нас была большая семья – четверо детей, трое мальчиков и девочка, маленькая совсем. Была корова и собака. Старший брат в 1942-м ушел на фронт. Младший, ему девять лет на тот момент было, тоже пытался попасть на войну. Однажды он пропал, нашли его за 200 километров от

дома. Сказал, что, мол, решил поехать в Москву, чтобы податься в партизаны. Собрал котомку и ушел. Все тогда рвались на фронт.

Мне в то время было 11 лет. Помню, иду в школу, а в небе самолет с крестом летит. Низко так летит, прямо над крышами. Я даже лицо пилота немецкого видел. Он мне что-то кричал, а я ему – кулак в ответ. Я по натуре такой человек, никогда ничего не боялся: тогда я хотел показать, что я хозяин того места, где родился...

Всю войну я провел в работе: дрова таскал, помогал маме на разгрузке овощей. Отец работал на автозаводе Молотова, я ему тоже там помогал. Никто даже и не думал отлынивать, все что-то делали. Помню, мы, мальчишки, дежурили на крыше школы, ловили и гасили «зажигалки». Бомбы весили килограмма два, наверное. Там у нас стояло ведро с водой – «зажигалку» ловишь и в воду ее. Нас не организовывали никак, это была деятельность по воле души и совести.

Потом у нас забрали школы. Их освобождали для военной промышленности, под военные объекты. А нас перевели учиться в бараки. Писали на газетах, бумаги не было, чернил – тоже.

На карточки всем неработающим в день давали 350 граммов хлеба, работающим – 450. Мяса не было – все уходило на фронт. Но была рыба – треска, жирная такая. Иногда мама покупала костей и варила бульон. Его хватало на три дня. Каждый день она клала туда овощи, и мы питались таким супчиком.

Радиотарелки на столбах передавали нам сообщения руководства, новости о том, какие города взяли фашисты. В полукилометре от нашего дома висела такая «тарелка», мы ходили туда слушать. Толпы людей стояли под столбом и слушали. Некоторые потом стали собирать себе из разных частей радиоприемники дома.

В целом, война сделала людей умнее, хитрее и сплоченнее. Но, конечно, были отдельные неприятные случаи – предатели имелись во все времена.

9 мая 1945 года мы все стояли у железной дороги. Никто ничем

больше не занимался, только встречали поезда с солдатами. Вагоны были разные, раньше в некоторых возили скот, различные грузы. Они ехали почти неделю, состав за составом. Ехали с открытыми окнами и дверями.

Поезда не останавливались в нашем городе, они шли на восток

куда-то в Сибирь. Но мы все равно стояли и встречали их с цветами и песнями. Духовой оркестр играл «Варшавянку» и «Катюшу». Все были веселые, пели вместе с оркестром. Это было истинным праздником для нас – знаком того, что войне – конец. Мы пережили все это.

Уже после войны я окончил школу и пошел работать на завод фрезерных станков токарем. Ударно трудился, поставил себе цель поступить и закончить институт. Планировал в военный, но старший брат, который вернулся с войны только в 1948-м, отговорил меня. А так, может, получилась бы династия...

Ну, а дальше нас ждали другие испытания в жизни. Работал в Сибири. Потом всю оставшуюся жизнь, начиная с 1960 года, посвятил борьбе с пустыней Кызылкум при строительстве главных промышленных городов Узбекистана, в частности, Зарафшана, где живут и трудятся славные золотодобытчики нашей республики.

Халида Кашапова

Родилась в 1929 году в Татарстане.
На момент начала Великой Отечественной войны ей было 12 лет.

– Как только началась война, отца, работавшего в райкоме, забрали на фронт. Мы тогда жили в райцентре, но перед отъездом он отвез нас в село Камка поближе к своим родителям. Мама была беременная, родила восьмую сестренку, когда папа уже был на фронте. Ребенок, к сожалению, не выжил.

Мама не могла пойти работать в колхоз – ведь дома были маленькие дети – всего семеро, и я самая старшая, всех нужно было кормить. Бывало, оденет она на себя что-то красивое и уходит, а возвращается уже без этой вещи – продала и купила что-то из еды или поменяла. Так она почти все свои вещи обменяла на продукты. Чего мы только не ели, даже страшно вспомнить.

Мама даже варила нам суп из травы. Хотя и супом его назвать было

сложно – варево какое-то. Поэтому тогда всегда хотелось есть. Самым большим желанием было вдоволь поесть хлеба. Я и сейчас люблю хлеб, хотя на столе полно всего, хлеб для меня – самая вкусная еда.

Одежды у нас тоже почти не было, одно платье на двоих, все донашивали друг за другом. Мы даже никуда не могли пойти все вместе – одна сестренка оденет, а другой уже нечего, особенно зимой. Обуви тоже не было. Помню, дедушка сплел мне лапти, специально на мою маленькую ногу. И вот я как-то переходила реку не через мост, а вброд и потеряла один лапоть. Было уже темно. Дома маме я об этом не сказала и решила, что утром найду его. Конечно, лапоть я не нашла, сильно плакала из-за этой потери, да и дедушка ругал.

В школе я отучилась семь классов. Ходила пешком на учебу за три километра от дома. Тетрадей тогда не было, бумаги лишней тоже, поэтому мы писали на старых книгах, газетах, кто чем мог.

Когда мне исполнилось 13 лет в 1942 году, меня официально устроили работать в колхоз, и я стала кормилицей семьи. Собирала солому за комбайном, который молол пшеницу. За работу нам давали немного пшена, и мы делали из него муку, а также немного картошки. Но этого не хватало на всю семью. Иногда мы, дети, собирались и воровали

картошку с полей, а с работы я иногда тайком выносила небольшой мешочек пшеницы. И это нужно было делать умеючи – руки-то проверяли.

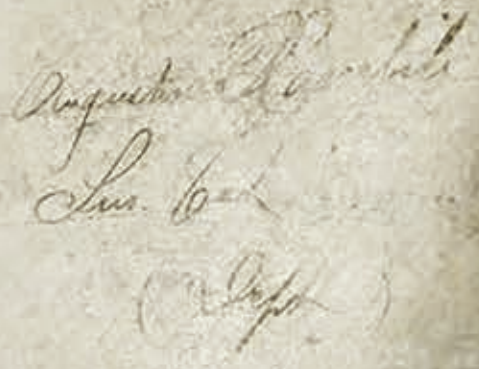
Я насыпала пшено в маленький мешочек, который специально сшила мама. Во время проверки держала этот мешочек во рту, а лицо завязывала платком, чтобы не было видно. Конечно, это можно было назвать воровством, но другого выхода у меня просто тогда не было, нужно было кормить сестренок.

Работали с раннего утра до позднего вечера. Когда возвращалась домой, еще и маме помогала по дому. Мама была очень строгой, и ослушаться ее было просто нельзя.

Нас с сестрой, которая чуть младше меня, мама зимой отправляла в соседний лес за дровами. Мы брали санки, топор и шли вместе с другими взрослыми. Один раз нас поймали, отобрали и санки, и топор. Мы же были маленькие девочки, постоять за себя не могли. Потом пришлось брать санки и топор у соседей на прокат и ходить за дровами ночью. Страшно было, а делать нечего. Если дров не принесем, все дома замерзнут.

В 1943 году на отца пришла похоронка. Помню, как сильно плакала мама, ей стало плохо, она упала в обморок. Сестренки вообще не понимали, что происходит, а я как могла, сама обливаясь слезами, пыталась ее успокоить, привести в чувство, обещала во всем ей помогать. После этого мама стала еще жестче и строже, как железный стержень – ведь она осталась одна с семью детьми на руках, и помощи ей фактически ждать было неоткуда.

После войны в 1946 году брат отца, который строил Бекабадский металлургический завод, привез нашу семью в Ташкент, так как сказал, что в России мы умрем с голоду. Нас поселили в барак – в двух комнатах жили бабушка с дедушкой и мы с мамой. Мама зарабатывала тем,

что стирала вещи для других, а мы с сестрой гладили их угольными утюгами, а младшие – разносили.

Продолжить образование я и сестренка, которая была младше меня на три года, не могли – нужно было работать. Меня устроили на текстильный комбинат, а ее – раздатчицей хлеба по карточкам. За работу давали по 600 граммов хлеба. Мы должны были принести его домой, чтобы поделить на всех. Но я не всегда могла удержаться – очень хотелось есть, поэтому съедала почти половину хлеба, домой приносила небольшой кусочек. Мама потом

меня за это очень сильно ругала. Чтобы держать себя в руках и не съесть хлеб, я старалась нести его так, чтобы не чувствовать аромата.

Как-то я сказала маме, уже когда подросла, зачем она родила нас. Она сама ничего хорошего не видела, и мы не видели. Тогда я ее сильно обидела, хотя и не хотела. Просто мне очень тяжело было, обидно и за нее, да и за всех нас. Когда я вышла замуж, боялась рожать детей, не хотела, чтобы на их долю выпали такие же лишения и голод. Мне всегда очень тяжело вспоминать эти годы, как мы голодали и замерзали. Не дай Бог никому такое видеть и пережить.

Фарида Каюмова

Родилась в 1933 году в селе Большие Кайбицы (Татарстан). В 1941–1945 годах проживала в Фергане. Во время начала Великой Отечественной войны ей было семь лет.

– Когда началась война, я не очень понимала, что это. Взрослые почему-то говорили шепотом об этом. Военные годы запомнились тем, что все время хотелось спать, но мама будила рано утром, чтобы я шла занимать очередь за хлебом.

Нашей семье из девяти человек хлеб давали на обувной фабрике, на которой работали папа и старшая сестра. Нужно было обязательно получить хлеб, иначе талоны бы пропали. На этом листке серой бумаги были нанесены в квадратиках различные суммы. Продавец вырезал и наклеивал эти квадратики в большую тетрадь. Каждый раз нужно было расписываться в ней, что мы получили положенную норму.

Хлеб доставляли в разное время, иногда совсем поздно. Люди стояли и ждали, когда появится ослик, на

котором его привозили. Хлеб был мокрым, черным и липким. Продавец мочил в воде нож и резал этот хлеб. К нашей буханке хлеба, круглого и плоского, был маленький довесок, я всегда съедала его по дороге домой, потому что очень хотелось есть.

Однажды поздно вечером я шла домой и несла хлеб в высоко поднятой руке. Вдруг ко мне подскочила какая-то женщина и сказала: отнимут же хлеб, что же ты его так несешь! Я быстро спрятала буханку под жакет и побежала домой, представив, как все дома останутся без хлеба из-за меня. Пришла домой и расплакалась. Никак не могла успокоиться…

Мы жили в одной комнате, в другой – эвакуированные. Квартиранты были разные… В соседнем дворе было 18 квартир, почти все, кто там жил, были эвакуированные. Мы общались со всеми. Я бегала в тот двор играть. Однажды летом все

жители этого двора собирали урюк с двух огромных деревьев, которые росли в этом дворе. Трудились все, и я тоже помогала. Потом поровну делили урюк, мне тоже дали целое ведро, хотя все знали, что и у нас во дворе растет такое же дерево. Добрые были люди…

Наша семья была многодетной, поэтому иногда государство что-нибудь давало из одежды. Как-то нам дали одно красивое американское пальто на шелковой подкладке. Оно подошло мне. Зимы были очень холодные. Тогда мама надела на меня поверх этого пальто телогрейку, на ногах были галоши, к которым пришили голенища из старых сапог брата. Это было настоящее зрелище...

Государство заботилось о нас, детях. В школе каждый день давали по маленькому кусочку хлеба, иногда давали ириски. Наша учительница,

тоже из эвакуированных, Ева Рафаэловна, долго разламывала эти ириски на квадратики над своим портфелем, и мы все говорили, ну давайте же быстрее! Крошки падали в портфель, она, бедная, всегда была такая голодная!

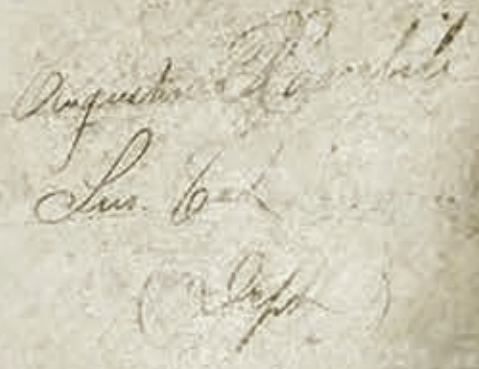
Самым горестным днем для нашей семьи стал день, когда пришла похоронка на старшего брата Саида. Он был высокого роста, с огромными кулаками, нога 46-го размера. Мы очень дружили с ним, он всегда защищал меня. Ему было 17 лет, когда его призвали на фронт. Ему выдали обмундирование, но сапог его размера не нашлось, он поехал в своих ботинках. Вскоре ему нашли сапоги нужного размера, а ботинки брат продал и отправил деньги домой.

Два месяца их обучали, а потом отправили на фронт. Как уж обучали, не знаю, ведь он совсем не знал русского языка. Мы получили письмо, в котором Саид писал, что завтра первый бой. Видимо, он и погиб в нем. Дома было тихо. Мы все плакали, папа поехал в военкомат, там ему вручили справку о гибели брата.

Когда Саид уехал, родители отправили ему посылку. Мама испекла печенье, в жестяную баночку положили немного топленого масла. Через месяцев пять после его гибели посылка вернулась домой. Масло прогоркло, печенье высохло. Родители плакали: отдали бы это все другим солдатам…

Родители очень много работали. Папа умел делать все. По ночам он часто делал каблуки для женских туфель. В это время в Фергану привезли крымских татар. Многие из мужчин были сапожниками, они покупали у нас эти каблуки. Это были дополнительные деньги. Мама покупала на них мыло, а потом ходила в кишлак за 18 километров и меняла там мыло на маш и зерно.

Часто она брала меня и самую

младшую сестру, которой было девять месяцев, с собой. В кишлак мама несла ее, а назад – я. Обуви не было, пыль, мелкие камни впивались в ноги. Было очень тяжело нести сестренку. Мама еще все время подгоняла словами – идем быстрее, скоро стемнеет, отнимут все у нас. Когда приходили домой, я просто падала в постель. Даже не ела, не мыла ноги, засыпала замертво.

Как-то рано утром папа будит нас и говорит: победа! Война закончилась, вставайте! А мы даже не пошевелились – не поняли сначала. Утром все люди стали собираться на улице Ленина. Плакали, смеялись, пели песни, танцевали...

Да здравствуют отважные сыны Узбекского
народа героически сражающиеся вместе со
всеми народами СССР против фашистских мерзавцев!
Трудящиеся Узбекистана! До конца выполним
свой священный долг советских патриотов.
Все силы на борьбу с кровавыми

Тулкун Закиров

Родился в 1932 году в Коканде. В начале Великой Отечественной войны ему было девять лет, все военные годы провел в Намангане.

– Я хорошо помню первый день войны. Мы всей семьей были в гостях. Дети беспечно играли, взрослые сидели за столом, беседовали. Вдруг открылась дверь, и в комнату вошел сосед. Он что-то сказал отчиму, тот сразу стал серьезен, быстро собрался и ушел, не сказав никому ни слова. Все поняли: произошло что-то страшное.

Больше в течение всех четырех лет войны главу нашей семьи мы практически не видели. Отец ранним утром, когда все еще спали, уходил на завод, где он работал руководителем, а дома появлялся только глубокой ночью.

Жизнь в те годы была очень тяжелой. Мой родной отец, работавший в школе учителем географии, в 1937 году тяжело заболел и умер от туберкулеза. Мама вторично вышла

замуж, и у меня появился отчим. В народе говорят: не тот отец, кто родил, а тот, кто вскормил, вспоил, да добру научил. Поэтому я очень благодарен моему второму отцу, давшему мне не только фамилию, но и воспитавшему всех четырех детей: двоих от первого брака мамы, а также родившихся брата и сестру.

Мой отчим был детдомовец, что не помешало ему добиться значительных успехов в трудовой жизни, на руководящих постах. Он и нас всегда учил честности, трудолюбию, справедливости. Сначала он работал заместителем директора маслозавода в Коканде, а в 1941 году его назначили главой маслозавода в Намангане. В результате мы переехали, и все детские воспоминания периода войны у меня связаны с этим городом, его жителями, а также с семьями, эвакуированными с территорий, оккупированных фашистской Германией.

Хорошо помню, как в нашу махаллю стали прибывать люди с охваченных войной районов, среди них было много детей – несчастных, голодных, оставшихся без родителей и переживших страшные потрясения. Они распределялись в детские дома, также было очень много семей, которые их усыновляли. Такие люди, сами жившие очень

бедно, трудившиеся с утра и до вечера ради нашей победы в войне, не только делились с несчастными детишками последним куском лепешки, но и старались залечить их душевные раны.

В таких, ставших многонациональными семьях, делали все возможное, чтобы обеспечить питание, обучение и лечение детей, сберечь их здоровье, воспитать духовно и физически здоровыми. Многие маленькие переселенцы, особенно из блокадного Ленинграда, нуждались в особом уходе, и все они находили его на нашей благодатной земле. И

важно, что посильную помощь получал любой ребенок независимо от того, откуда он прибыл, какой был национальности.

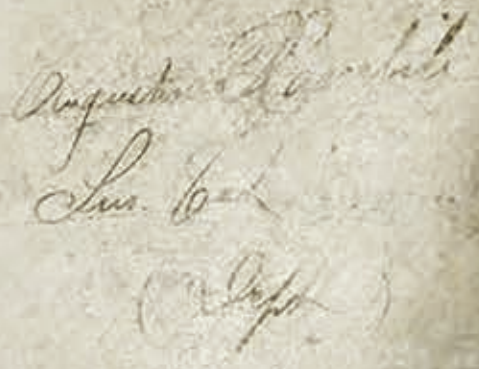
Еды было мало, хорошо помню, как во время школьной перемены на класс выделяли буханку черного хлеба, и учитель раздавал каждому по кусочку. Хотя многие ученики, особенно из неполных и бедных семей, были голодны, все дожидались своей очереди и получали пусть небольшое, но все же питание. Даже в таких условиях школы работали исправно, и все получали хорошее, полноценное образование.

Со мной в классе учился уроженец Намангана Саша Грушевский, будущий чемпион Узбекистана по шахматам. Помню, в классе он всегда ходил с шахматной доской, постоянно с кем-нибудь играл. После войны он уехал в Ташкент. Мы встретились уже в мирное время, сразу узнали друг друга…

В советское время Грушевский был неоднократным чемпионом Узбекской ССР, победителем первого международного турнира стран Азии в Ташкенте в 1959 году. В годы независимости он стал председателем Федерации шахмат нашей страны, воспитал сильных гроссмейстеров, был первым тренером чемпиона мира Рустама Касымджанова. К сожалению, в прошлом году Александр Васильевич ушел из жизни…

Мы, дети, совершенно не обращали внимание – русский ты, белорус, казах или татарин… Мы все учились в одной школе, вместе гоняли в футбол, озорничали. Уже тогда мы знали, кто такой Гитлер, часто играли в войну, делились на отряды русских и фрицев. За немцев играть никто не хотел, поэтому приходилось бросать жребий.

В те тяжелые времена дети наравне со взрослыми трудились в тылу. Победа над ненавистным врагом, а в разгроме фашистов никто не

сомневался, ковалась не только на фронте, но и в глубоком тылу. И только объединенными усилиями всего народа можно было дать отпор агрессору и отстоять нашу страну.

Уже со второго класса после уроков нас стали возить на грузовиках на хлопковые поля собирать урожай. Для самых маленьких детей это было очень тяжело, но все относились к этому очень серьезно. Школьники понимали: так мы наравне со взрослыми вносим свой вклад в дело победы. Такую же картину все видели и дома – взрослые работали с утра и до позднего вечера, валились с ног от усталости, но изо дня в день, из месяца в месяц, часто без выходных, сверхурочно выполняли свою норму.

Наманганский маслозавод, как и многие другие крупные промышленные предприятия, построенные в годы индустриализации, обладал развитой инфраструктурой. Было

построено жилье для рабочих, клуб, летний и зимний кинотеатры, футбольное поле.

Во время войны за счет средств завода был организован детский сад. Там были воспитанники разных национальностей, оставшиеся без родителей, приехавшие из охваченных войной районов. В то время почти в каждой семье жили эвакуированные, не только дети. У нас в квартире была женщина из Украины, после войны она уехала, а затем мы переписывались.

Хотя я был маленьким, уже понимал смысл страшных извещений – похоронок, приносимых почтальонами. Так, в первые же месяцы войны погиб наш сосед дядя Коля. У него осталось семеро детей. Завод помогал им, чем мог. В 1944 году мы получили известие о гибели моего дяди. И так было почти в каждой семье.

Ирина Панькова

Родилась в 1940 году. С 1941 по 1943 годы находилась в блокадном Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ей было чуть больше года.

– Я была совсем маленькая, когда началась эта война. Но мама мне рассказывала, как отец в первые месяцы работал практически без перерывов, их просто не выпускали с предприятия. А она сама половину войны, пока мы жили в Ленинграде до эвакуации, бегала по крышам и гасила фугасные бомбы.

Мы жили на пятом этаже в шестиэтажном доме. И вот, как только становился слышен звук самолетов, мама хватала щипцы и бросалась бегом на крышу. Она ловила этими щипцами падающие бомбы и тушила их в песке или в воде, чтобы только не загорелась крыша и все здание. Потом потухшие бомбы просто скидывали с крыш.

Как только немцы улетали, она спускалась. Новый налет – снова неслась на крышу. Я в это время оставалась одна в квартире. Громкий гул и разрывы бомб, наверное, пугали меня, что и стало причиной будущих проблем с сердцем. Они передались и моим детям – оба сына умерли от этой болезни.

Еды, конечно, не хватало: 125 граммов хлеба в сутки... И ничего больше. Мне, как ребенку, было положено соевое молоко. Люди из-за голода теряли сознание на ходу. Мать часто вспоминала снежный коридор, по которому ходила, когда привозили хлеб. В первую зиму в блокаде навалило очень много снега, метра два, люди сделали через него проход.

И вот однажды она бежит между этими стенами за хлебом, а из снега торчат чьи-то руки. Оказалось, у

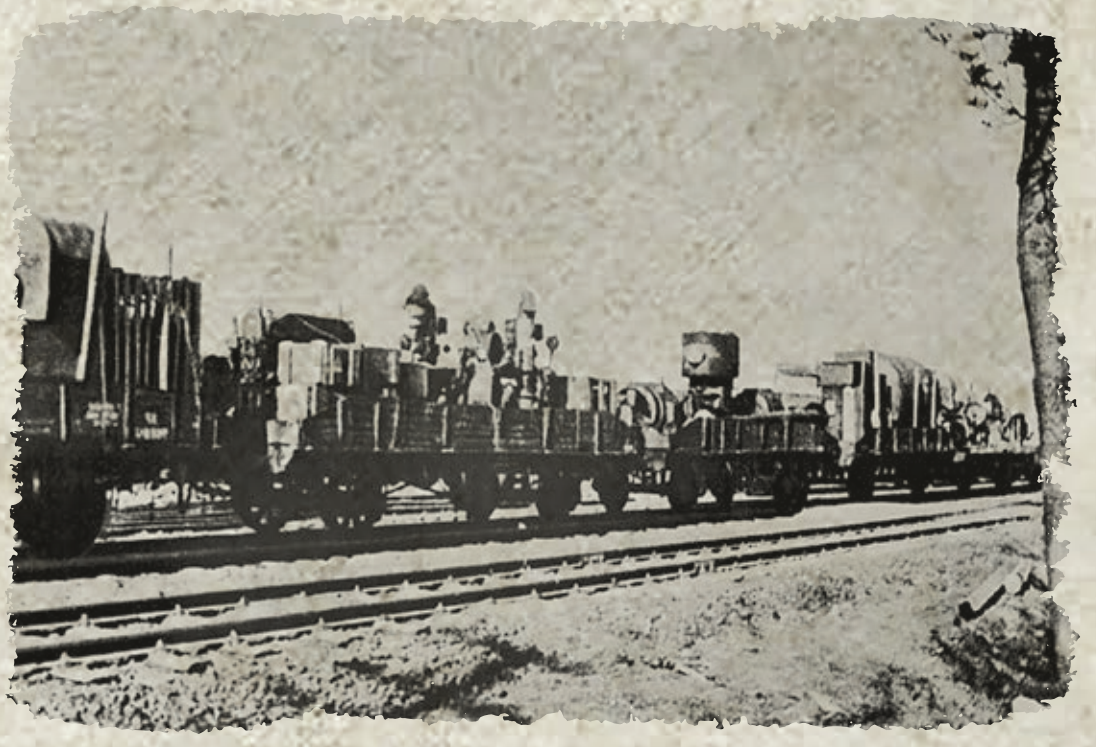
какого-то человека отобрали хлеб, а его самого просто воткнули в снег, где он и умер. Он там так и торчал все время из этой снежной глыбы с высунутыми руками. Она так его боялась. У одних людей сил не было вытащить его оттуда, другим было просто не до этого. Дружбы тогда не было, каждый был сам за себя. Так вот и бегали за хлебом люди: аккуратно обойдут эти руки и дальше по своим делам.

А в 1943 году, когда мне было два года, объявили об эвакуации. Родители в спешке собрались и побежали на вокзал. В минус 44 градуса меня, завернутую в тоненькое хлопчатобумажное одеяльце, та-

щили на саночках по льду, чтобы попасть на поезд.

Им пришлось оставить моего дедушку в квартире. Он был подполковником еще при царской армии, моряком, имел свой корабль. Его бы просто не взяли на поезд – там строго смотрели: если человек был в плохом состоянии, его сразу отмечали. Зачем, мол, почти мертвецов возить? Они все равно ведь умрут и будут место занимать, которое может спасти кого-то.

Более или менее здоровые коекак заскакивали в вагоны. А умирающего кто бы погрузил? Бабушку мою вот пытались погрузить на поезд, но она сильно ударилась голо-

вой о лестницу и умерла на месте. Пришлось и ее оставить на перроне. Родственники матери забрали ее и похоронили. А вот где похоронен дедушка, мы так и не узнали.

Сначала нас привезли на Северный Кавказ, а уже оттуда – в Ташкент. Помню, поселили в трехэтажный кирпичный дом. Всю войну жили там. В комнате был один фикус и кровать из двух палок и натянутой парусины. Рядом был сад «Кафанчик» [Кауфмановский сквер, ныне – сквер Амира Темура]. Это здание до сих пор стоит.

Папу в этом же 1943 году отправили в Харьков учиться на врача. До конца войны и позже он лечил наших солдат, был майором медицинской службы. Вернулся из Германии только в 1947 году. Врачебное дело он бросил – ему войны хватило, устроился работать на Ремонтно-механический завод имени Ильича.

Вернувшиеся с войны рассказывали о страшных событиях, говорили много и красиво, а отец отмалчивался. Он не особенно любил говорить о произошедшем. Да и Ташкент – совсем другой город, такой веселый и хлебный. Здесь мы не часто говорили о войне.

Хорошо помню 9 мая того памятного 1945 года. Мне было уже пять

лет. Кругом стоял такой крик, шум. Как люди скакали, как они кричали, целовались, поздравляли друг друга. Все обнимались, как одна большая семья.

После войны ездили с родителями на родину, но возвращаться было некуда. Квартиру нашу в Ленинграде заняли вместе с вещами посторонние люди, потерявшие жилье при бомбежках. Папа и мама смотрели на дом, молодость вспоминали, я слушала.

Наш дом старый, но красивый, на берегу Невы до сих пор стоит. После смерти родителей сама часто ездила, потом перестала. Здесь, в Ташкенте, похоронены мать и отец, а ленинградские родственники не особо радуются моему приезду, судьбы у них не очень сложились. К матери муж вернулся с войны, ее сестре – не повезло. В общем, все перемешала эта страшная война.

Фаузия Юсупова

Родилась в 1928 году в селе Мустафа (Башкортостан). На момент начала войны ей было 12 лет. Военные годы провела в Магнитогорске (Россия). В Узбекистане живет с 1946 года. Ветеран труда.

– Моих родителей не стало задолго до войны. В пять лет я осталась круглой сиротой. Нас в семье было четверо детей, и старшие сестры поочередно брали меня к себе на воспитание. Когда началась война, я жила у одной из них в Магнитогорске.

В первые дни нападения фашистов брата сразу же забрали на фронт. Тогда в город стали прибывать эвакуированные поляки и евреи, которые селились в бараках. К нам перебрасывали крупные производственные мощности. Каждую ночь раздавалась сирена, и мы спешили закрыть окна ставнями, чтобы не был виден свет. Делалось это для защиты города на случай, если вдруг пролетит вражеский самолет.

Моя сестра работала на военном заводе. Производство здесь было

очень вредное – изготавливали снаряды для знаменитых «Катюш». Она была круглые сутки на заводе, их не выпускали с работы из-за режима секретности. Ее муж воевал на фронте, а двоих детей поместили в детский дом, потому что за ними некому было смотреть.

Помню, как постепенно начали пустеть магазины, запасы у людей тоже кончались. Мальчишки и девчонки ходили по полям, искали оставшиеся на земле колоски пшеницы и ржи. Дома их сушили и мололи на ручной мельнице. Также многие ходили в лес и собирали все, что можно было есть: ягоды, грибы, какие-то травы.

Каждая крошечка хлеба была на вес золота. Многие дети в те дни мечтали после войны съесть целую буханку хлеба. Однажды меня чуть не задавило в огромной массе голодающих людей, стоявших в очереди за хлебом. Такое трудное было время.

В 1942 году ввели карточную систему. Мне оформили собственную карточку на детский паек в 300 граммов хлеба. Работающим людям давали 400–600 граммов. Очередь за хлебом приходилось занимать с ночи. Раз в месяц приходила сестра и приносила мне что-нибудь из своего заводского пайка. Также она от-

дала мне свою карточку на хлеб, ей было положено 600 граммов.

Рядом жила моя подруга, у нее была большая семья. Однажды они потеряли свои хлебные карточки и им пришлось очень худо. Я помогала им хлебом, а они давали мне картошку и капусту, которые выращивали у себя в огороде.

Мне очень повезло, что я встретила войну в Магнитогорске. Это был стратегический город и его снабжали продуктами. Здесь были введены продуктовые карточки, на которые выдавали немного макарон, сахара, крупы. Потом пришла помощь из Америки – сухое молоко, яичный порошок, шоколад – он был больше похож на кусок масла, которое продавали на развес, его резали кусочками.

Рабочих рук не хватало, и в марте 1942 года нас с подругой взяли в артель «Большевик». Тогда мне было почти 14. Нас определили в ватный цех, где шили телогрейки для бойцов на фронте.

На работу шли по гудку, который было слышно по всему городу. Рано утром мы бежали со всех ног, боялись опоздать. Задержка даже на 10 минут грозила тюрьмой. Никто тогда не смотрел – взрослый ты или ребенок. Проштрафившихся мужчин отправляли на фронт.

Наш цех был очень большой, швейные машинки стояли в два ряда. Это было конвейерное производство. Одни шили рукава, другие – карманы, третьи – стелили вату. Нам с подругой поручили очищать телогрейки от приставшей ваты. Всю смену так и чистили поначалу, телогреек были целые горы. Потом мы стали опытнее, и нам доверили шитье.

Обедали хлебом, что приносили из дома. Помню, мы с жадностью смотрели на сельских девушек, которые приносили с собой молоко и яйца. Было трудно, но мы не горевали, старались изо всех сил и терпеливо ждали победу. Когда о ней объявили по репродуктору, у всех были смешанные чувства: люди радовались этому дню и плакали от горечи потерь.

Мы с девочками-коллегами занимались в хоровом кружке. После долгожданной победы нам сшили длинные платья из парашюта и повезли на площадь. Мы пели «Катюшу», «Смуглянку», «Соловьи» и много других песен. Наше выступление передавали по радио на фронт.

В артели «Большевик» я проработала до 1946 года. Потом с войны возвратился муж сестры, и они забрали детей из приюта. В их одной комнате стало тесно. Поэтому, по-

лучив паспорт, я уехала в Кашкадарью. Там после войны обосновался старший брат. Меня взяли работать в школу, преподавать русский язык. У меня тогда даже диплома не было. Педагогическое училище я потом закончила по направлению.

Благодарю всех, кто не забывает ветеранов войны и трудового фронта. Ведь мы победили вместе: без тыла эта великая победа была бы невозможной. Люди голодали сами, но отправляли эшелоны с провиантом на фронт. Благодаря нашим телогрейкам солдаты переживали холодные дни, а снаряды, которые делала моя сестра, сражали врагов. Дай Бог, чтобы такого ужаса, как война, больше не повторилось в нашей жизни.

Гельман Князев

Родился в 1935 году в Иркутской области (Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ему было шесть лет. Большую часть военных лет провел в немецких концлагерях и на принудительной работе в Германии и Австрии.

– Я родился в Иркутской области в 1935 году, а спустя всего два года моего отца арестовали по ложному доносу и отправили в Усть-Илимскую тюрьму. К счастью, отец не сгинул в тюрьме, после долгих разбирательств его освободили спустя несколько лет. В это время началась война, он ушел на фронт, где погиб смертью храбрых.

В 1941 году, когда на нас напали немцы, мы жили в Пскове на родине мамы. Этот город одним из первых подвергся жесточайшему артобстрелу. Во время одной бомбежки все наши документы сгорели, а после этого в город нагрянули фашисты. Помню, как на улицах и площадях сразу появились виселицы. Враги без разбора вешали и расстреливали детей, стариков, женщин и мужчин, стремясь создать атмосферу страха.

Многих просто хватали на улице

и отправляли на тяжелые работы. Сортировали по простому принципу: крепкие и молодые – способны к тяжелой работе, а старики и младенцы – подлежат уничтожению.

Мы с матерью попали в концлагерь «Дулаг-376», где занимались заготовкой торфа. Болотные испарения и мир за колючей проволокой стали нашей обычной жизнью. Позже нас отправили в Кунерсдорф, где находился танковый военный городок. Помню этот страшный марш полуголодных, еле ходящих людей.

Мы проходили через одно село, я загляделся на сияющие купола какой-то церквушки и споткнулся. Немец-конвоир грубо обругал меня и ударил ногой. И тут моя спокойная и тихая мать бросилась на него с кулаками и принялась кричать на немецком, что он гад и свинья.

Как ни странно, но конвой успокоил ее без грубости, а обидчик даже попытался сунуть мне в руку конфету, которую я взять отказался. Тогда мы были так воспитаны – лучше с голоду помереть, чем принять подачку от врага.

Целый год мы копали там канавы, а позже, в Вольфсбурге, строили дорогу и выполняли другую черную работу. Мне больно вспоминать, как быстро изменилась и постарела мама. Беспокойство за отца и страх за мою жизнь сделали ее совсем седой, покрыли морщинами лицо.

Из лагеря в Вольфсбурге нам удалось сбежать ночью, во время отдыха. Какое-то время нас скрывали в одном из близлежащих сел антифашисты. Но нашелся предатель, который сообщил в поселковую администрацию, где мы находимся. Тогда нас отправили в другой лагерь смерти в одном из городов Австрии, и я так до сих пор не знаю, какова судьба людей, приютивших беглых русских. На новом месте мы строили тоннель. Я таскал грунт, а мама разносила воду.

В лагере люди умирали десятками каждый день. И, порой, мне,

восьмилетнему мальчишке, приходилось перетаскивать трупы и скидывать их в яму. Покойники лежали под открытым небом несколько дней, и в то время, как я их нес, у них отрывались ноги и руки. Как бы это не выглядело ужасно, постепенно я привык и просто уже не обращал внимания. Вокруг всегда была смерть.

В то время я и сам дошел до полного истощения и постепенно угасал. В итоге пришел момент, когда я понял, что не могу больше двигаться и скоро присоединюсь к этим трупам в яме. Тогда рабочие посоветовали нам с матерью ночью бежать, все равно впереди смерть, а так, может, и повезет.

Не знаю, как нам это удалось, но мы сбежали. В ближайшем селе нас накормили и переодели. Там мы прожили полтора года, которые до сих пор вспоминаются, как крупицы счастья в этом страшном море бесконечных горестей. Но уйти оттуда нам все же пришлось, так как слухи о беглых из концлагеря дошли до немецкого начальства. Оно устроило настоящую облаву, чтобы нас найти. Мы только чудом не попались, выехав из села на телеге под толстым стогом сена и хвороста.

Мы опять оказались без еды и были вынуждены вернуться в близлежащий город, где стали просить милостыню, благо, мама владела немецким языком. Однако мы сно-

ва были схвачены и отправлены в концлагерь, где нас опять ждала тяжелая работа. Через полгода туда приехал некий Томас, отец высокопоставленного немецкого генерала, которому были нужны рабы.

Он купил нас и еще человек 20 как какой-то скот. У него мы и прожили до конца войны в качестве домашней прислуги. Тогда мы не раз слышали от немцев, что незачем возвращаться в СССР, потому что там нас ждет расстрел. А в Германии мы живем в культуре и достатке, и не важно, что на правах рабов.

В августе 1945 года нам удалось вернуться на Родину, а через пять лет мы из-за состояния здоровья переехали жить в Ташкент, к теплу и фруктам. Интересно, что в Узбекистане мне впервые после войны восстановили документы, но почему-то

потеряли четыре года. По выданному тогда паспорту я был рожден в 1939 году. Почему так произошло, я не знаю, но это были не те годы, чтобы бережно хранить их в памяти. Правда, как не крути, а старое крепко помнится и снится каждую ночь.

Давно ушла из жизни мама. Позже я потерял жену и остался один с сыном. Сегодня это единственный близкий мне человек во всем мире. Поверьте, нелегко описать словами все, что пришлось пережить. И очень надеюсь, что такое зло больше не повторится.

Темур Байкулов

Родился в 1938 году в кишлаке Чамбиль Кашкадарьинской области. Великую Отечественную войну встретил трехлетним мальчиком. Проработал 35 лет в правоохранительных органах, вышел на пенсию в звании полковника.

– Когда началась война, отца сразу забрали на фронт, но он не доехал до него, погиб в дороге. Скорее всего, немцы разбомбили поезд, в котором он ехал. Но точных подробностей я не знаю до сих пор, мама нам ничего не рассказывала, ей было больно об этом говорить.

В семье было двое детей – я и старший брат. Мама, чтобы прокормить нас, снова вышла замуж, и мы переехали в соседний кишлак в дом отчима, у которого было четверо детей – три сына и дочь. Так мы и жили большой дружной семьей. Родители работали в колхозе, а мы оставались дома, занимались хозяйством. На весь день родители оставляли нам по 200 граммов черного хлеба.

Помню, весной, когда в полях всходил ячмень, детей отправляли

его собирать. Мы приносили зерна домой, мама молола муку и пекла хлеб. Мяса мы практически не видели. Раз в неделю по воскресеньям отчим ездил на рынок в 20 километрах от нашего кишлака, где покупал мясные отходы – кости и ножки, из которых мама готовила шурпу. Это был настоящий праздник для нас.

Так как я был самый младший в семье, все старались меня баловать лишним кусочком хлеба или еще чем-нибудь, а мама в тайне от других детей клала мне в карман кусочек сахара. Я тогда не понимал всей тяжести положения и со свойственной детям непосредственностью еще и хвастался, что у меня есть сахар. Но никто из старших детей не отнимал его у меня.

Думаю, что жителям Узбекистана во время войны помогало и то, что у нас теплый край, плодородная земля и летом очень много фруктов и овощей. Помню, что из нашего

колхоза имени Сталина отправляли на фронт яблоки. Дети помогали их собирать. Мы аккуратно складывали яблоки в коробки, которые затем отвозили на машине до станции Яккабаг, где их грузили в вагоны. Лет

мне тогда было всего ничего, но я всегда стремился помогать родителям, внести свой вклад в дело победы. Тогда все дети понимали, что даже собирая яблоки, они помогают в битве с фашистами.

В конце войны, когда мне исполнилось семь лет, я пошел в школу. С собой я брал только один карандаш и 12-листовую тетрадь, книжек не было, да и учителем был один из колхозников. Его определили работать в школу, так как он просто имел высшее образование. Он преподавал нам абсолютно все предметы. В этой школе я отучился семь классов, а потом старший сын отчима отправил меня в сельскохозяйственный техникум в Шахрисабз.

Тогда было время больших свершений, и я после колледжа отправился по путевке комсомола в Голодную степь для освоения земель. Тогда это был очень важный проект. Но, конечно, было нелегко. Спустя год меня призвали в армию, в танковые войска, наш отряд находился в маленьком белорусском городке Орша.

После армии меня приняли в ряды коммунистической партии и затем – на работу в милицию. В то время было очень популярным учиться, поэтому, отработав год, я приехал в Ташкент поступать в университет на юридический фа-

культет. Однако сразу поступить не удалось, подвела самоуверенность. Я думал, что уже очень силен в русском языке и решил писать сочинение, но получил двойку.

На следующий год снова попробовал и поступил. После окончания учебы меня по распределению направили работать в милицию, где я и прослужил 35 лет на различных должностях, начиная от простого милиционера и заканчивая командиром полка ППС.

Сегодня нас уже осталось мало – участников той страшной войны и детей, которые прошли через ее невзгоды. Многое еще не рассказано, тысячи историй... Но самое главное, и ветераны, и мы, маленькие свидетели войны, завещаем своим детям и внукам только одно – никогда больше не допустите такого. Пусть будущее поколение никогда не знает того, что пришлось пережить всем нам.

Тамара Соколова

Родилась в 1935 году в Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ей было шесть лет. В Ташкент эвакуирована из Ставропольского края в 1944 году.

– В село Сергиевское Ставропольского края я попала с сестрой и мамой в 1942 году, когда нас вывезли из блокадного Ленинграда. Все наши документы были утеряны во время эвакуации из родного дома. Дело в том, что когда нас вывозили из Ленинграда по Ладожскому озеру, мама забросила все вещи и документы в самую первую машину. Но там больше не было мест, и мы поехали на другой.

Как только колонна тронулась, первый грузовик ушел под лед вместе с людьми и нашими вещами. Мы остались живы, только потому что не сели в этот автомобиль.

В Ставропольском крае мы попали в оккупацию. Помню, к нам приходили немцы с автоматами и спрашивали: «Евреи есть?». Мы

все очень боялись, но предателей среди нас не было. Тогда мы, эвакуированные из Ленинграда, жили в большом сарае, спали штабелями во дворе. Это было лето 1942 года, сложное время, голодное. Блого рядом находились озеро и лес, дети не вылезали оттуда, питались травой, целый день бегали и рвали всякие коренья и ягоды.

Тот год был переломным, это чувствовалось даже по поведению

фашистов. Тогда наши войска разбили немцев под Москвой и это придавало всем силы.

Я толком и не помню, что я ела во время войны, наверное, практически все, что можно было найти – траву, листья, иногда даже кору. Моей маме сказали, что я долго жить не буду, так как очень болезненная и худая. Однако мы выжили, не знаю, что нам тогда помогло.

После прихода наших солдат всех срочно эвакуировали в Ташкент. Мы ехали в товарных вагонах, всю дорогу катались по полу. В пути, от голода, я заболела пеллагрой, у меня также была страшная дизентерия. Я ехала всю дорогу пластом, вообще не могла ничего есть и пить.

Мама тоже заболела, у нее была малярия. Как только мы прибыли в Ташкент, нас сразу отправили в больницы. Маму в одну, меня – в другую, а мою сестру – в распределительный центр на карантин. В

больнице я пробыла почти два года, спасибо докторам, они практически вырвали меня из рук смерти. Я ведь долгое время из-за слабости даже не могла держать в руке ложку, даже сил пить вообще не было.

После выписки из больницы меня отправили в детский дом. Мама нас потеряла, ведь мы все были без документов. Уже потом, через несколько лет, она нашла нас с сестрой в детском доме.

Сначала я попала в ташкентский детский дом №2. Помню, как комиссия определяла мой возраст, делали медицинский осмотр. Я практически ничего не помнила из-за перенесенной болезни. Через какое-то время меня перевезли в детдом №13. Вскоре нашлась моя

сестра. Мы стали жить там вместе. В общей сложности я пробыла в детских домах семь лет. В первый класс пошла 1947 году, когда мне было 12 лет.

До 1947 года мы жили в Ташкенте впроголодь, пока не отменили карточки. Хлеб был в дефиците, его нам давали очень тонко нарезанными пластинками. Мы пили кипяток, к которому иногда полагались три подушечки конфетки или два кусочка сахара.

После школы мне помогли поступить в Учетно-кредитный техникум в Ташкенте. Окончив его, я не смогла найти работу по специальности и устроилась помощницей токаря на завод «Ташхимсельмаш». Многие годы спустя я перешла работать в опытно-конструкторское бюро по расфасовке и упаковке.

Мария Комарова

Родилась в 1938 году в Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ей было три года. В Ташкент приехала в 1957 году. Всю жизнь работала учителем начальных классов. С 19 лет пишет стихи.

– Война – это страшное время, а я была маленьким ребенком, потерявшим родителей. Помню, что в Ленинграде все окна домов были занавешены темной тканью, так как нас постоянно бомбили. Даже небольшой отсвет мог привлечь немцев и весь дом тогда был бы уничтожен.

Я все время сидела дома, меня никуда не выпускали, на улицах долго никто не находился из-за постоянных бомбежек и обстрелов. Да и трупы были кругом. Зачем это страшное зрелище малолетнему ребенку? А когда объявлялась воздушная тревога, по радио начинал работать метроном: тук-тук, тук-тук. Как только этот звук замедлялся, мы успокаивались, понимая, что враг на время улетел.

Сначала у меня умер отец, потом

Мария Комарова (в середине) с братом и сестрой (фото из домашнего архива).

не стало мамы. Моей сестре, когда началась война, было 18 лет, брату – 12, папе – 48, а маме – 38. Родители, чтобы мы не потерялись, в 1941 году сделали фотографию, на которой запечатлены все мы. Она у меня до сих пор хранится.

Куда нас потом только жизнь не заносила, мне всегда помогали брат и сестра. После гибели родителей нас с братом отдали в детский дом, а сестра, которая была совершеннолетней, пошла работать санитаркой.

Помню, как наш детский дом эва-

куировали из Ленинграда в Алтайский край. Тогда произошла жуткая ситуация. Нас вывозили вместе с рабочими фабрики «Светоч». Детей привезли на Ладожское озеро, а капитан корабля говорит – мест уже нет, мы не можем взять всех сразу.

Представьте, там были и совсем маленькие дети и уже школьного возраста. Ужасный выбор – кому из них жить. Директор детдома сказал, что не может разделить нас, поэтому всех детей высадили. Катер буквально на наших глазах отплыл и тут же потонул. То ли бомба там была, то ли мина. Если бы нас не высадили, все бы погибли…

Это был не последний такой случай во время эвакуации. Когда нас наконец-то вывезли из города и посадили на поезд, случилось еще одно происшествие. Состав двигался на полном ходу ночью и вдруг резко затормозил. Я была непоседой и лежала наверху, чтобы все видеть вокруг. В результате при торможении я улетела вниз, голова была разбита, нога сломана. Результаты того падения проявились позже. В седьмом классе резко испортилось зрение, пропал слух в правом ухе.

После войны мы вернулись в Ленинград, но там было очень сложно, голод, одни руины. Поэтому в 1957 году я приехала жить и работать учителем в Узбекистан. Пожалуй, лучше всего мои детские воспоминания о войне передают стихи, написанные уже в Ташкенте.

Война…
Трудное время – страшные дни.
Как бесконечно тянулись они.
Бомбы летали на головы наши,
Пушки стреляли все чаще и чаще.

Папы и мамы трудились день, ночь,
Чтобы любимому граду помочь.
Сами не ели – нам отдавали,
Чтобы мы с голоду не умирали.

Старшая Валя – сестричка моя
Стала лечить моряков и солдат.
Старший мой брат – Сережею звали,
Темною ночью на крыше дежурил,
Было ему лишь 12…

Ночью фашисты бросали кругом
Страшные бомбы – они зажигалки
Фашисты старались сжечь каждый дом.
Мальчишки хватали – бросали в песок
Или водой заливали, кто смог.

Мария Комарова в детстве
(фото из домашнего архива).

Вот и декабрь пришел – от ужаса, холода, голода
Умер наш папа.
С нами осталась одна наша мама.
Но и она не смогла пережить
Ужас войны!
В мае не стало любимой мамули!
Брата со мною забрали в детдом.

Там нас согрели, одели, обули
И накормили, чем только смогли,
Добрые люди советской страны!
Дома тепло и любовь дали нам.
Сколько их было на нашем пути?
Не перечесть!

На машине – шофер.
На корабле – матрос.
На поезде – машинист.

Дальше поехали через страну
В дальний Алтай!
В горном краю
Встретили добрые люди и там.

Няни, уборщицы и повара,
Дворники, прачки и доктора,
Те, кто старались согреть нас заботой,

Раны душевные наши лечили.
Как мне понравилось жить на Алтае!
Лес и поля, горы вдали,
Самолеты не летали,
Никто не стрелял.

Прошло четыре года...
Вот и Победа пришла!
Стали домой собираться – пора,
Снова вернулись домой в Ленинград.

Встретила нас дорогая сестра,
Взяла нас домой,
Стала нам с братом и папой, и мамой
И дорогой сестрой.

ПОДАРОК
ЗАЩИТНИКАМ ГОРОДА ЛЕНИНА
ПОДАРОК
ЗАЩИТНИКАМ ГОРОДА ЛЕНИНА
ПОДАРОК
ЗАЩИТНИКАМ ГОРОДА ЛЕНИНА
ЛЕНИНГРАД
65
Лев

Лидия Валиева

Родилась в 1938 году в Новороссийске (Россия). На начало Великой Отечественной войны ей было три года. В Ташкент переехала жить в 1956 году. Больше 20 лет проработала в железнодорожной сфере.

– Отца забрали в армию практически сразу после начала войны, он, к сожалению, так и не вернулся. Все ужасы этого времени мы прошли вместе с братом и сестрой. В наш родной город фашисты пришли в августе 1941 года, и с тех пор в округе шла постоянная борьба за каждый клочок земли.

Мои родители до войны работали на одном из двух крупных цементных заводов города. Именно они стали ключевыми точками в сражении с фашистами. Первый завод в 1942 году был захвачен немцами, а второй стал опорным пунктом для Красной армии. Это была своеобразная невидимая граница, которая пролегала по всему городу.

Мы жили на той стороне, которая была захвачена немцами. Они пришли в наши дома, выгнали всех, за-

брали все ценное, а нас отправили жить в каких-то землянках, практически норах в земле. На каждую семью приходилось по одной такой норе.

Я вспоминаю, как один немецкий офицер, которого звали Курт, все время издевался надо мной и громко кричал: «Шпа-ааа-ть!». Мы тогда все были грязные и неопрятные. Воды не было, условия для проживания – ужасные, кругом холодная земля и грязь. Курт меня ненавидел, и как только я попадалась ему на глаза, он меня бил.

Мы все время были голодными. Чтобы как-то выжить, мой десятилетний брат бегал собирать ягоды прямо под пулями. Дети помладше, а нас в этих землянках было человек

десять, брали свои железные котелки и шли к столовой, где ели немцы. Там мы стояли всей нашей группой и ждали, чтобы получить остатки, которые они не доедали.

Когда работала хорошая бригада, нам оставляли что-то поесть. Но дежурили и такие, которые выливали остатки еды в обрыв. Это была горная местность, высокие отвесные скалы, и мы, несмотря на опасность, все равно лезли туда, собирали что находили, и тащили наверх. Все прекрасно понимали – без этого нам не выжить.

Наша жизнь сопровождалась постоянными боями, наши пытались отвоевать цементный завод, немцы – делали то же самое. Часто нам попадались израненные, полуживые советские солдаты, женщины пытались спасти и выходить

их, спрятать от фашистов, которые убивали, не задумываясь.

В 1943 году немецкие солдаты стали всех женщин в городе отправлять в горы копать окопы. Каждый день женщины вереницей шли туда, а по пути назад вечером многие падали от голода и просто умирали. Это был страшный и смертельный поход в один конец. Позже мы поняли, почему это происходит – наши войска готовились отвоевать Новороссийск.

В один момент немцы собрали всех молодых женщин и детей на площади. Они объявили, что нам повезло, так как всех отправляют в Германию. Нас ждала участь рабов. Был сентябрь 1943 года, наши войска как раз наступали. Весь город лежал в руинах, мосты и дороги были разбомблены, часть территории уже отвоевана советскими войсками.

Поэтому немцы заставили пленных соорудить плоты, куда затолка-

ли людей, и поплыли. Тут началась ужасная бомбежка, много плотов потонуло, сотни людей погибли в тот день. Нам удалось тогда спастись от смерти, но не от фашистов. Выживших вывезли на Украину и временно поместили в какую-то деревушку, превращенную в небольшой лагерь. Немцы думали, что пленные здесь пробудут пару дней и отправятся дальше в Германию, но их планам не суждено было сбыться. Рядом находились партизаны, которые постоянно громили немецкие поезда и автомобильные конвои.

В те годы было очень страшно. Однажды немцы наткнулись возле нашего лагеря на небольшой отряд советских солдат. Они жестоко всех убили, как будто бы мстили за прошлые поражения. Мы видели, как наши солдаты мучительно умирали, у них были оторваны конечности, изуродованы тела.

Каждый день жителей деревни немцы угоняли на тяжелые работы. Днем в лагере среди пленных оставались только маленькие дети и несколько женщин, которые присматривали за ними. Однажды к нам пробрались партизаны, чтобы выяснить, сколько в деревне немцев. Я не знаю как, но фашисты узнали об этом визите, и несколько человек в деревне расстреляли для устрашения.

Партизаны узнали об этом, и немцам с тех пор тоже не было покоя: наши караулили их повсюду, фашисты стали пропадать в лесу. Вскоре советские войска нас освободили. Детей отправили в Краснодарский край, в небольшое селение Темрюк. Это была деревня рыбаков, и мы впервые за долгое время наелись рыбой. Тогда казалось, что лучше еды нет во всем мире.

Надежда Кудрицкая

Родилась в 1928 году в Псковской области (Россия). В годы Великой Отечественной войны в 13 лет была угнана немцами в Прибалтику.

– В нашей семье было пятеро детей – двое мальчиков и три девочки. Мама умерла еще до войны, а отца в первые дни после нападения немцев забрали на фронт. Братья в то время учились в Ленинграде. Их пытались эвакуировать из города до блокады на пароходе. Однако, случилась трагедия, они погибли во время жестокой бомбежки. Об этом мы узнали от односельчан, которые сумели выехать из города.

Так мы остались втроем – старшая сестра Нина, я и младшая – Катя. Когда наш район оккупировали войска, фашисты согнали всю деревню в одном месте, как нам сказали «на лекцию». Немцы привезли на машине двух парней, совсем юных, и повесили на глазах у всех. Я была маленькая, мне было очень страш-

но, я не могла смотреть на это и просто закрыла глаза. Видимо, это было сделано для устрашения, потому что больше никого в деревне не трогали. Подобные виселицы я позже видела и в других деревнях.

Вскоре после этого людей погнали к железной дороге, где погрузили в товарный поезд. Младшей сестренке из-за возраста удалось спастись, она осталась у соседей. А мы с сестрой были вынуждены сесть в эти вагоны, кругом были фашисты с оружием. Через две недели поезд остановился из-за взорванного моста в оккупированной Прибалтике. Нам тогда повезло, если бы не мост, мы вполне могли оказаться в концлагере и умереть.

Немцы временно распредели-

ли всех к местным помещикам в близлежащих деревнях. Мы попали на хутор Полукште в семью помещика Стаси. Люди они оказались хорошие, приютили нас. У него были дочь и сын. Они говорили, если нас снова заберут, мы должны бежать.

Через некоторое время нас снова согнали к поезду, но он все никак не отправлялся. Люди находились в ужасных условиях, не было еды и воды. Моя сестра Нина была бойкой, она решила, что пора бежать и вернуться к тому помещику. Ночью, прячась, нам удалось выбраться в лес. Шли мы очень долго. Голодные и холодные, сил не было, я плакала от усталости, потому что идти дальше уже не могла.

Мы брели куда-то как во тьме, на глазах была пелена от голода и усталости. Помню, вышли к большой реке, моросил дождь, было очень холодно. Река бурлила. Мне было очень страшно, думала, что мы утонем. Но делать было нечего, Нина взяла меня за руку, и мы каким-то чудом ее переплыли. Наконец, мы дошли до дома помещика. Он пред-

ложил оставаться у них, пока в России дела не наладятся...

Немцы бомбили постоянно, и во время бомбежки мы все прятались в яме – помещик, его семья, соседи, мы с сестрой. Помню, как на нас сыпалась земля, снаряды падали близко, это было очень страшно. Так мы прожили у них около полутора лет. Когда немцы начали отступать, мы с сестрой решили вернуться домой. Попрощавшись с хозяевами, мы

пошли по направлению к Каунасу.

Через какое-то время нас остановили военные, сказав, что вся территория вокруг заминирована и идти дальше опасно. Пришлось долгие недели жить в сарае неподалеку от дороги. Мы спали на сене, голодали. Спустя некоторое время удалось добраться до Каунаса, а оттуда – вернуться в Россию. Но радости от возвращения не было: дом сгорел, кругом был голод, люди умирали. К счастью, младшей сестре удалось выжить, она все это время была у соседей.

Как-то я встретила свою двоюродную сестру, и мы решили с ней снова поехать к нашему литовскому помещику. Каким-то образом добрались до той деревни, куда нас первоначально эвакуировали немцы. А потом снова около 100 километров пути прошли пешком до той большой реки. И снова ни моста, ни лодки нет. Поздний вечер, замерзшая река. И тогда мы с сестрой решились ее переползти по льду, взявшись за руки.

Так, во второй раз мы добрались до нашего помещика Стаси и оставались у него до самого окончания войны. Потом Нина прислала мне письмо, где сообщила, что огороды потихоньку подняли, дом восстановили и пора возвращаться домой. И мы с двоюродной сестрой вернулись. До сих пор с благодарностью вспоминаю ту литовскую семью, что приютила нас во время войны, не побоявшись фашистов, а потом не дала умереть от голода.

Конечно, все мы помним голос Левитана, как он объявил о победе советских войск над фашистской Германией. Но это, действительно, была весть сквозь слезы и горе в каждой семье. Люди не праздновали, они ждали своих с фронта. Десятки матерей из нашей деревни оплакивали своих сыновей и мужей, не вернувшихся с войны. Почти никто из молодых и крепких ребят, ушед-

ших на фронт, не вернулся. Кто-то погиб в боях прямо в День Победы. Наш папа, к счастью, вернулся.

Непросто было и после войны, было очень голодно, радость приносил обычный кусок хлеба. Работали мы в совхозе. Потом я уехала в Подмосковье, где работала на шахте №5. Здесь я встретила своего будущего мужа. Он был из Белоруссии.

В Узбекистан мы с мужем, который до этого работал на строительстве железной дороги, приехали, когда здесь начали строить метро. У нас было двое сыновей, но, к сожалению, оба уже умерли. Сейчас у меня трое внуков, и все – отличные ребята. Один из них, которого я вырастила с пеленок, живет со мной. Он мне как сын.

Из-за войны у нас не было детства и юности, поэтому никогда и никому из молодых ребят, ни одному ребенку, ни одной матери не пожелаю того, что довелось пережить нашему поколению детей. Берегите наш мир, люди!

Анатолий Бурыкин

Родился в 1940 году в селе Мольково Смоленской области (Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ему не было и года. С трех лет был узником нацистского концлагеря Заксенхаузен. В 1959 году приехал жить и работать в Узбекистан.

– Папа погиб на фронте в 1943 году. В сентябре этого же года маму и нас с братом насильно угнали в Германию. В нашей деревне остались только старики, среди них была и моя бабушка. Мать рассказывала, что нас сначала привезли в Лейпциг. Но там была страшная бомбардировка, поэтому пленных отправили в Заксенхаузен – огромнейший лагерь, который подразделялся на отдельные зоны. Мы, а также украинцы, сербы и хорваты жили на «Руссе штрассе» («Русской улице» – прим.). Здесь находился в заключении и сын Сталина.

В других секциях были англичане и французы. Их почему-то не гоняли на тяжелую работу, в основном поручали что-то на территории лагеря. Они даже имели возможность получать посылки от родных. Взро-

слых с нашей улицы ранним утром гнали на завод, мама там занималась упаковкой каких-то металлических изделий. У детей брали кровь для раненых немецких солдат. И мы шли, потому что в медчасти нам давали что-нибудь съестное...

Однажды, помню, я зачем-то взял камень и бросил его через забор. Он попал в ребенка – вокруг концлагеря стояли жилые дома. Его мать – немка – пожаловалась коменданту лагеря, и он меня чуть не пристрелил. Я бежал от него без оглядки, сербы – соседи по баракам – спрятали меня, закопав в куче угля. Вечером комендант пришел к нам, тыкал мне в живот пистолетом, а мама умоляла его на коленях сохранить мне жизнь...

Под конец войны началась страшная бомбежка. Все жилые дома вокруг лагеря были разбиты, но в бараки с заключенными ни одна бомба не попала. Видимо, наши летчики все четко рассчитали. После этого,

Анатолий Бурыкин с соседом по концлагерю (фото из домашнего архива).

протаранив ворота, в Заксенхаузен заехал танк Красной армии. Тан-

кисты убили коменданта, который был очень жестоким человеком.

Тогда на улицах был хаос, одни заключенные тащили сахар и все, что можно было съесть, из кондитерского завода, который находился рядом. Другие – бежали из лагеря, в основном это были люди, сотрудничавшие с фашистами. Мы с братом шатались вокруг, голодные и испуганные.

Больше месяца мы оставались в лагере, а потом нас посадили на поезд и отправили домой. Мать на-

значили комендантом поезда, она формировала списки пассажиров. Мы ехали на больших платформах под открытым небом. Когда шли дожди, люди защищались брезентом. Это был очень долгий путь, мы постоянно останавливались, подбирали людей. Когда стояли в Варшаве – я хорошо запомнил этот город – он казался абсолютно безлюдным. Там жило очень много евреев, их всех истребили.

Когда поезд простаивал, мы с другими детьми играли, прыгали по

платформе. Однажды я запрыгнул на поезд, который стоял рядом, а он взял и тронулся. Все военные, которые ехали с нами, стали мне кричать: «Прыгай, прыгай!». И я прыгнул, к счастью, они меня поймали. А то пришлось бы ехать назад в Германию. Мама за это «угостила» меня хорошей взбучкой.

У меня есть одна единственная фотокарточка тех времен, сделанная совершенно случайным образом. На ней я и один из наших соседей по лагерю – серб. Уже после освобождения мы с ним ходили в немецкий зоопарк. Он предлагал моей матери забрать меня к себе на воспитание. Жизнь тогда была страшная: в то время никто не знал, где он окажется в итоге и как жить дальше, везде были голод и разруха. Но она, разумеется, отказалась от такой помощи.

Жизнь после освобождения оставалась трудной, вплоть до 1950 года это был настоящий кошмар. По прибытии маму поместили в фильтрационный лагерь. Там вели расследование, допрашивали всех о сотрудничестве с нацистами. Нас вскоре отпустили, и мы поехали в наше родное село. Здесь нас не ждало ничего хорошего. Все вокруг было выжжено, наш дом был разрушен, жить было негде. Нам дали маленькую комнатку в школе, но разве это была нормальная жизнь?

Поэтому, когда стали заселять Калининград, мы поехали туда, ведь переселенцам давали подъемные деньги, квартиру и работу.

Еды было мало, карточная система на хлеб в Калининграде сохранялась почти до 1949 года. Мама ходила на работу, а мы с братом стояли в очереди за продуктами. Так как папа погиб на фронте, нас определили в сад, а мама получала какое-то пособие на нас. Это помогало выжить. Сейчас в наших магазинах просто рай, есть все, что душе угодно. А тогда мы откапывали в поле и ели гнилую картошку, варили борщ из крапивы, ловили мелких рыбешек.

Игрушек в привычном понимании у нас не было. За нашим домом стояли подбитые танки, артиллерийские орудия. В лесу и в реке мы постоянно находили винтовки, автоматы и каски. Помню, наш знакомый мальчишка поджег головку одного из оставшихся здесь термитных снарядов и бросил его на дерево. Однако произошло несчастье – эта горящая часть упала назад ему на голову. Тогда он сильно обгорел, пришлось даже вызывать самолет, чтобы доставить его в больницу. Вот такие опасные игрушки у нас были.

Нина Ананьева

Родилась в 1937 году в Смоленске (Россия). В годы Великой Отечественной войны в пятилетнем возрасте была угнана с семьей в Германию. Бывшая узница концентрационного лагеря Бухенвальд.

– Когда началась война, отец сразу ушел на фронт, а мать осталась с пятью детьми. Несмотря на то, что мне было всего пять лет, я хорошо помню время, когда немцы только пришли в город. В начале они относились к нам хорошо, давали еду и кусковой сахар. Но это продолжалось недолго.

Солдаты других немецких подразделений, которые пришли следом, выгнали всех людей на улицу, кто в чем был, а на дворе стоял февраль 1942 года. Всех погнали к железной дороге, собрали на товарных платформах и повезли в неизвестном направлении. Ехали мы долго, было очень тяжело, стояли страшные морозы, мы все были закопченные от дыма и гари паровоза. Мама, к счастью, успела захватить что-то из одежды, какие-то одеяль-

ца и все время пыталась нас собой обогреть, обнимала, прятала, как цыплят, и все молилась, чтобы Бог спас хотя бы детей.

Сначала нас привезли в Польшу. Но здесь все лагеря были переполнены, и нас отправили в Восточную Германию. Так мы попали в печально известный концлагерь Бухенвальд.

Кругом колючая проволока под электрическим напряжением, везде ограждения, горят фонари, не сбежать, малейшее движение в сторону – расстрел. Мы жили в ветхих бараках. Каждый день мать с сестрой, которой на тот момент шел семнадцатый год, и других взрослых выгоняли работать, а мы – дети – оставались в бараке.

Кормили нас сырой мерзлой картошкой, иногда давали кусок черного сухого хлеба. Я не знала, куда маму с Фросей уводили каждый день, на какие работы. Уже намного позже, когда я, будучи взрослой, приезжала к ней после войны, сестра показала страшные рубцы на бедрах от ремней. Немцы в концла-

гере не только заставляли их работать, но и били, издевались, насиловали...

Поэтому мама с сестрой никогда не рассказывали, куда они ходили, берегли нас, чтобы не пугать. По ночам мама, накрывшись с головой одеждой, тихо и горько плакала. А нам она старалась даже вида не показывать. Сестра рассказывала, что меня с братом однажды увели куда-то. Вернулись мы бледные, по всей видимости, у нас брали кровь, мы были еле живы.

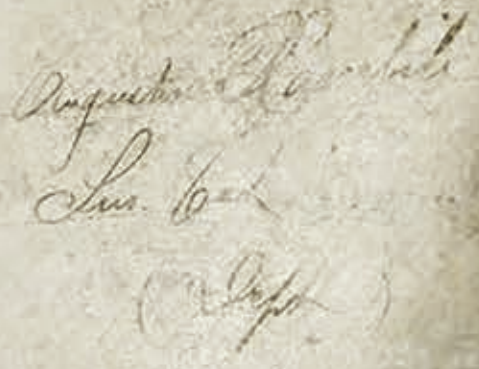
У матери на руке было клеймо – цифра 98. Я спросила сестру, а почему у нас, детей, не было клейма. Она ответила, что лагеря были настолько переполнены взрослыми, что на детей тогда даже не обращали особого внимания, просто не успевали клеймить всех...

В ушах тогда постоянно стоял протяжный колокольный звон, он часто возвращается и сейчас. Именно о нем поется в песне «Бухенвальдский набат». Я спрашивала у сестры, почему звонят колокола. Помню ее страшный ответ – они звонят, когда людей ведут в газовые камеры. А колокола звонили постоянно...

Людей убивали, травили и сжигали. Этот страшный черный дым от сожженных людей до сих пор со мной. Каждый день мимо нашего барака проходили толпы людей, их вели на смерть. Не знаю, как нам всей семьей удалось там остаться живыми. Повзрослев, я говорила про себя, что Господь нас помиловал.

Мы пробыли в концлагере до самого окончания войны. Я не помню, как нас освободили. Помню только, что в лагере был шум, люди кричали. Многие, заслышав, что идут советские войска, бросались на колючую проволоку чтобы выбраться, а она все еще была под напряжением. Они умирали...

Сестра рассказывала, когда пришли солдаты и начали освобождать

пленных, многие им падали в ноги от радости, обнимали их, плакали.

В родном Смоленске, куда мы вернулись, было мало хорошего. Наш дом разбомбили немцы, затем пришла похоронка – отец погиб в Кёнигсберге 8 мая 1945 года. Мама прожила тоже совсем недолго. Здоровье ее было подорвано, она постоянно болела. Сразу после ее смерти мы попали в детский дом в городе Вязьма.

У нас не было детства. Я провела 11 лет в детдоме, где было холодно и голодно. С едой было плохо. Мы все время недоедали. Чтобы у детей не было рахита, нам давали рыбий жир и 125 граммов хлеба на день, хочешь – сразу ешь, хочешь – растягивай. Зимой мы этот хлеб закапывали в землю, потому что мерзлый хлеб дольше жуется. Бывало, что старшие забирали и эти крохи.

Тогда нас выкормил лес – там тра-

ва, ягоды, щавель. Мы их срывали да ели. У меня была одна фотография с детдома, мы на ней вместе с братом и сестрой стоим оборванные, в коротких пальтишках. Жалею, что не сохранила, на ней мы были вместе, но слишком болезненные это были воспоминания, и я ее разорвала…

Меня долго не отпускали воспоминания о том, что нам пришлось пережить. Я и сейчас сильно нервничаю, не могу смотреть фильмы про войну. Это очень тяжело. Я бы пожелала молодым, чтоб они больше читали литературу о войне, осознавали, какой путь мы прошли, что чувствовали и пережили. Чтобы они не поддавались никаким провокациям и берегли хрупкий мир, чтобы им не пришлось окунуться в тот ад, который видели мы – дети войны. Мы знаем и голод, и холод, и смерть, вы – дети мирного времени, и этого не знаете. Не относитесь к этому с безразличием. Берегите мир, Родину, своих родителей! Чтобы над нами всегда было чистое небо, мир и согласие!

Клавдия Галимова

Родилась в 1940 году в Ташкенте. Годы Великой Отечественной войны провела здесь же. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института ботаники Академии наук Узбекистана.

– Наша семья в годы войны жила в районе старого, так называемого «русского Ташкента». Сейчас на этом месте находится площадь «Мустакиллик». Наш дом с колоннами, лепниной и большой террасой ранее принадлежал офицеру царской армии.

Помню этот удивительный одноэтажный Ташкент военного времени, весь утопавший в зелени. В каждом дворе росли высокие тополя, урючины, крымские сосны, белые и розовые магнолии, а в конце переулков обязательно находился небольшой сквер с клумбами цветов. Улицы пересекали арыки с быстрой прозрачной водой, и летом детвора каталась по ним в корыте для стирки.

Мы, дети военных лет, были бесстрашными, могли целыми днями

оставаться дома одни: я, трехлетняя девочка, и маленький годовалый братик Вадим. Папа был на фронте, а маму и старшую сестру Елену часто отправляли на разные сельскохозяйственные работы.

Помню, как в город потянулись эшелоны эвакуированных. Нас, местных жителей, стали «уплотнять» – подселять приехавших людей. В наш дом прислали сразу несколько семей. В одну из комнат въехала жена генерала с двумя детьми, это была суровая, неразговорчивая женщина внушительной комплекции.

В то полуголодное военное время, хотя Ташкент считался городом хлебным, процветало небывалое воровство. Преступники использовали длинные деревянные шесты с крючками, которые они ночью ловко просовывали в открытые окна. Уловом для них служило все, что можно было вытащить таким способом через оконные решетки.

Однажды ночью такой шест протиснулся в окно генеральши – но не тут-то было! Бравая женщина проявила бдительность и смекалку, выхватив его у грабителя, который в спешке ретировался, перемахнув через забор.

Военные зимы были холодными и снежными, мы топили дом углем, а еду готовили на примусе-керогазе.

По переулкам днем проходила подвода с лошадью, и возница кричал на всю улицу: «Керосин, кому керосин!»

Мой отец, полковник Ашраф Галимов, был заместителем начальника штаба по разведке второй гвардейской танковой армии. Он участвовал в битве на Курской дуге, в боях за освобождение Варшавы. В декабре 1944-го он был отозван с фронта и занял должность заместителя начальника разведотдела Туркестанского военного округа.

Мне на всю жизнь запомнился день, когда папа вернулся с фронта. В один из декабрьских дней 1944 года я услышала плач младшего брата и со всех ног бросилась в комнату. Там, под портретом Сталина, стоял высокий мужчина в военной форме, он смеялся и ликующе подбрасывал моего братишку на своих руках. Малыш заливался в плаче и, не понимая причины веселья, пытался вырваться из рук незнакомца. А тот все подбрасывал его и смеялся. Потом мужчина заметил меня и бросился с распростертыми объятиями, а я все смотрела и не узнавала, кто же это.

Этот человек и был мой папа! Мы были совсем малышами, когда он ушел на войну, и тогда даже не помнили его лица. Так в нашу жизнь вошла радость.

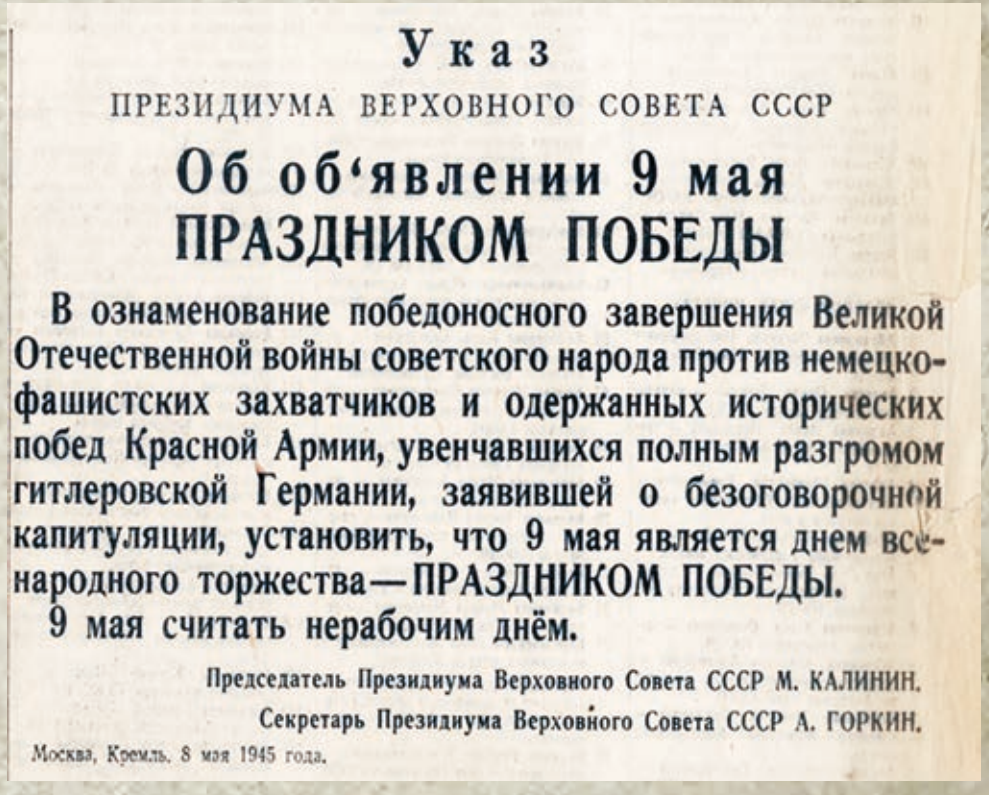
Хорошо помню канун нового победного 1945 года. Два солдата принесли в дом огромную елку,

она доставала своей верхушкой до самого потолка. Запах душистой смолистой хвои кружил голову. Мы украсили красавицу ель, как могли: конфетами, орехами в серебряных обертках. Это был наш первый Новый год в кругу семьи, потому что без папы мы раньше не отмечали никаких праздников.

В январе 1945 года отец был откомандирован с миссией в Иран, и в День Победы 9 мая мы оказались один на один с братом, потому что мама и сестра были заняты на работе. В небе с раннего утра низко летали самолеты, они гудели, наполняя гулом все окрестности. Шум и грохот нарастали, звуки стали оглушительными, и мы забежали в дом. Вадим от страха даже спрятался под стол. Позже мы поняли, что это был не налет немцев, а парад военной авиации.

На следующий день по улице грохотала военная техника, шли танки. Помню, как один танк по ошибке вырулил в наш переулок и долго не мог развернуться, и мы выбежали всей улицей поглазеть на него.

Все мы – и коренные ташкентцы, и эвакуированные, семьи, соседи, друзья, люди разных национальностей, помогали и поддерживали друг друга, как могли, в трудные военные годы. Мы ждали изо всех сил день, когда, наконец, закончится эта страшная война, унесшая миллионы жизней. И вот он наступил – этот долгожданный День Великой Победы!

Указ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об об'явлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днём.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 8 мая 1945 года.

Фаина Махаева

Родилась в 1939 году. Во время Великой Отечественной войны жила в селе Ленинское Джамбульской области (Казахстан). На момент нападения фашистов ей было два года.

– Жизнь в тылу была не легче, чем на полях сражений. Просто выжить тогда было уже настоящей удачей. Хотя в те годы я была совсем маленькой, но дни, когда страна воевала с проклятым врагом, помню до сих пор. И это не только воспоминания, связанные с трудностями быта и голодом, такое пережила каждая семья. Это и детские впечатления о доброте, помощи соседей друг другу. Думаю, что во многом благодаря поддержке родных и близких, а нередко и незнакомых людей, мы смогли пережить то время.

Родилась я в Казахстане, в селе Ленинское Джамбульской области, в 1939 году. Здесь прошли мое детство и юность. Я была совсем маленькой, когда началась война, и как многие дети первые годы жизни помню смутно. Говорят, запоминается самое эмоциональное. Хотя я не слышала разрывов бомб и снарядов, не видела оккупантов, яркие впечатления раннего детства

навсегда остались в моей памяти. Многие уже с ранних лет понимали: нам так тяжело, потому что страна ведет священную войну, и она затрагивает каждого: и солдат, и тех, кто остался в тылу, и взрослых, и детей.

У нас была большая семья: отец, мать и четверо детей – три девочки и мальчик. Когда началась война, отца сразу забрали на фронт. Мама рассказывала, что наш папа служит в пехоте, находится на переднем краю боев с фашистами.

Мы все скучали по нему и ждали его возвращения. Единственной ниточкой, связывавшей солдат с родными во время войны, были фронтовые письма. Ведь семьи тогда разлучались моментально и на долгие годы, а иногда – навсегда. Весточки от отцов все ждали с нетерпением.

Став взрослой, я осознала, что появления почтальона в каждом доме одновременно и ждали, и боялись: вести могли быть не только хорошими, но и трагическими. В нашей семье так сложилось, что через какое-то время весточки от папы перестали приходить, и эта неизвестность казалась иногда просто невыносимой. Через некоторое время нам сказали, что отец пропал без вести. Мы, маленькие дети, не понимали, что это такое, но было очень грустно и тяжело.

Я была самой младшей, обо мне заботились сестры, потому что мама работала с утра до вечера.

Жили мы бедно, в однокомнатном бараке с саманной крышей, из мебели были только стол и два стула. Комната отапливалась печкой, сделанной из кирпичей. На ней спали брат и сестры.

Однажды мама уехала в Джамбул и долго не возвращалась. Мы целый день сидели голодные и не знали, что с ней и когда она придет домой. Тогда наша старшая сестра собрала по углам какие-то крошки, смешала с куриными отрубями и испекла маленькую лепешку. В тот вечер мы немного поели, но семье предстояло пережить еще много голодных дней…

Мы, как могли, пытались выжить. Главное было – утолить голод, который иногда становился невыносимым. Хорошо помню, как мой брат постоянно спрашивал маму, когда же мы сможем вдоволь наесться хлеба? Став взрослой, я хорошо поняла свою маму. Сейчас сердце кровью обливается от переживаний

и боли за нее, как она хотела накормить всех нас и не могла. Она бралась за любую работу, только бы у ее ребятишек был хлеб...

Мы собирали грибы, ходили часто на поле, где выращивалось зерно. Конечно, поля охранялись, нам лишь выпадало счастье бродить по полям уже после тракторов и убранного урожая и собирать редкие оставшиеся колоски. Но и это была еда, а значит силы и жизнь.

Помню, как-то на крышу нашего барака пришла кошка и принесла откуда-то кусочек курдюка. Это было неимоверное счастье. Тем не менее, мама часть оставила нам, а часть – отнесла соседке. Тогда мы часто помогали друг другу, наверное, такие добрососедские отношения позволили всем нам пережить те сложные годы.

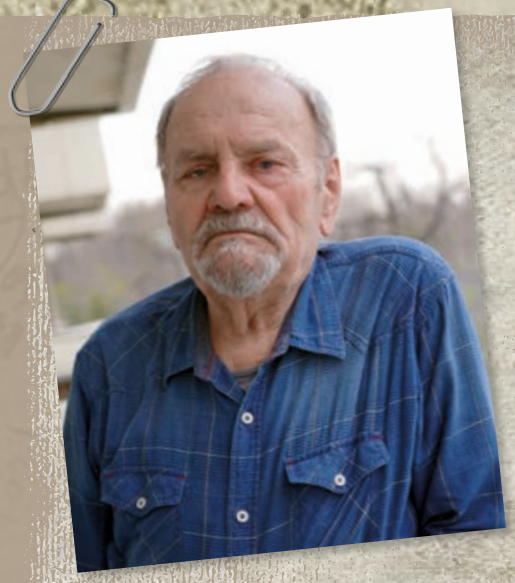
Встречались и небольшие радости, которые мы, дети, воспринимали со свойственной нам непосредственностью и оптимизмом. У одной из соседок был муж офицер, он прислал своей жене кусок красивой ткани, что в те годы было большой роскошью. Помню, мне тоже сшили из нее платьице, и в нем я, щеголяя, пошла с мамой в парк на праздник 1 Мая. Я была счастлива в этой обновке, хотя у меня совсем не было обуви, и, как обычно, я ходила босиком.

В 1946 году в семье случилась неожиданная радость: домой вернулся наш папа, считавшийся пропавшим без вести. Оказывается, после одного из тяжелых боев их часть попала в окружение, отец оказался в плену у фашистов. В те годы это означало предательство, и отцу пришлось пережить еще много неприятных моментов в мирной жизни, но это совсем другая история.

Между тем, жизнь налаживалась, я повзрослела, вышла замуж, окончила биологический факультет. Воспитали с мужем двух дочерей, которые работают медсестрами.

Есть пять внуков, пять правнуков. Всегда говорила детям и внукам, не устаю повторять молодому поколению: цените наши мирные дни, трудитесь, не покладая рук, ведь нынешний достаток и благополучие завоеваны нашими предками тяжелым трудом, мужеством и героизмом на полях сражений.

Владимир Тихонов

Родился в 1939 году в Чирчике, где и провел годы Великой Отечественной войны. Физик-электронщик, работал начальником цеха и инженером в конструкторском бюро завода «Фотон».

– Нас в семье было трое: я, мой старший брат Виталий и младшая сестра Наташа, родившаяся за месяц до наступления фашистов. Летом 1941 года мы жили у родственников в Ленинградской области. Я помню, какая там тогда творилась суматоха. Мы в спешке успели сеть в поезд прямо под бомбежкой немецкой авиации, чтобы вернуться в родной Чирчик. Ехали тогда 13 дней, через уже вовсю полыхавшую в огне войны Россию. Мне эти дни показались вечностью.

Мой четырехлетний брат Виталий был так напуган фашистской бомбежкой, что стал сильно заикаться – это сохранилось у него на всю оставшуюся жизнь. Я и сам, видимо, от страха всего пережитого, до двух с половиной лет совершенно не говорил. Это вызывало большую

тревогу у моих родителей, они думали, что я, не дай Бог, так и останусь немым.

Мой папа ушел на фронт в 1942 году, он служил командиром взвода разведки на Воронежском фронте, был ранен в битве на Одере. Через всю войну пронес в кармане гимнастерки две фотокарточки: мою и Виталия. Он свято верил, что именно фотографии любимых сыновей оберегали и спасали его от гибели на полях сражений.

Мои бабушка и мама все четыре года войны, пока папа был на фронте, тайком от нас читали молитвы за здравие и дали обет Всевышнему: если папа вернется с войны живым

и здоровым, они нас покрестят в церкви. В конце 1945 года уже после возвращения отца бабушка сдержала свое обещание, и нас тайком покрестили в Троицком монастыре возле Чирчика.

В военные годы нам постоянно хотелось кушать, мы переходили на «подножный корм», особенно весной. Ели молодые листья винограда, растения, которые мы называли «лепешечки», зеленый урюк. Наша мама один раз в месяц сдавала кровь в донорском пункте, и за это ей были положены дополнительно полбуханки хлеба.

Мы, малыши, одни затемно с четырех часов утра шли занимать очередь за хлебом. Нам на руках писали номер, чтобы каждый знал, кто за кем стоит. Хлеб начинали давать по карточкам в девять утра. Не дай Бог было потерять эти драгоценные карточки. Это означало голодную смерть. Однажды у моей мамы их украли прямо из сумочки, и целый месяц мы жили впроголодь.

Зимой дома топили углем, его ча-

сто не хватало. Тогда соседские подростки шли воровать уголь прямо с эшелонов проходящих поездов – они запрыгивали в медленно идущий товарняк и скидывали оттуда уголь лопатами прямо на землю. Сколько было из-за этого страшных увечий, даже отрезанных ног! Многие погибали прямо под колесами поезда.

20 апреля 1945 года папа вернулся домой. Мы заранее готовились всей семьей ехать из Чирчика в Ташкент, чтобы встречать его на вокзале. Дядя Василий достал машину – полуторку, и мы чинно двинулись в

путь, трясясь по булыжной дороге. Вокзальный перрон встретил нас шумом толпы, звуками оркестра. Это были незабываемые мгновения встречи пришедших с войны отцов, сыновей и братьев.

– Как же я узнаю отца? – думал я. – Ведь я его совершенно не помню. Дядя Василий хитро прищурился и сказал: «Смотри, Вовка, во все глаза! Считай ордена на груди! Тот, кто с пятью орденами и будет твой папка!»

Я не отвлекался, сосредоточенно считал и пересчитывал ордена и медали всех новоприбывших на перрон. Наконец, один офицер вышел из вагона: у него было два ордена «За отвагу!», два – «Красной звезды», одна медаль «Отечественной войны 1 степени». Все совпадало! Ровно пять!

Да, это был он, старший лейтенант Николай Тихонов, 30 лет от роду, мой родной и любимый папа. Он тогда сгреб нас всех в охапку, долго обнимал. На обратном пути я не мог наглядеться на него, а он все обнимал нас, смеялся, удивляясь, как мы выросли.

Еще он был поражен тому, как чисто я говорю. Ведь, когда он уходил на фронт, я был совершенно немым, а тут болтал без умолку.

Папа был очень смелым, ри-

стальной честности человеком. За подвиг на Курской дуге ему хотели дать звание Героя Советского Союза, но его критика и прямые высказывания не понравились руководству. Но отца это ничуть не огорчило. Так он воспитал и нас.

Его девизом было не бояться трудностей. Быть честным с самим собой и никогда не поступаться правдой ради выгоды. Я благодарен ему за это безмерно и на всю жизнь.

Фаина Шеронова

Родилась в 1934 году в деревне Вьюшково Ивановской области (Россия). На момент начала Великой Отечественной войны ей было семь лет. Ветеран труда, большую часть жизни проработала в текстильной промышленности.

– Папа ушел на фронт в августе 1941 года. Он поцеловал всех нас и вышел за дверь, а мама, беременная младшей сестрой, пошла провожать его. Мужчин на фронт отправляли всей деревней, я никогда не забуду этот женский плач. Транспорта не было, а от нашей деревни до города было около 20 километров. Мама дошла с папой до Волги, не хотела его отпускать, а как только он отплыл, у нее от волнения начались схватки и преждевременные роды.

Младшая сестра родилась недоношенной, она была слабенькой с рахитом. Но, как ни странно, ей удалось выжить в те суровые годы. При этом мама умерла в 1943 году: во всем виновато истощение. У нее на нервной почве пропало молоко, а надо было как-то прокормить

младшенькую и нас, остальных шестерых детей. В соседней деревне был пустой магазинчик, куда привозили хлеб и распределяли на всю деревню. Нам давали одну булку черного хлеба на восемь человек, и мама свой кусочек прятала высоко на полочку, а потом размачивала в воде, заворачивала его в марлю, и подвешивала над люлькой сестренки, периодически давая ей сосать.

Еще нам давали комбикорм, которым сейчас кормят свиней, а по праздникам – килограмм черной муки. Мама пряла шерсть, вязала носки и отправляла на фронт. По-

том она простыла и слегла от слабости и истощения. Сестра, помню, побежала в лес, принесла ей малину, а она уже мертвая. После смерти мамы хлеба мы больше не видели.

Самому старшему брату Федору тогда еще шестнадцати не было, а мне исполнилось девять лет. После смерти матери нам в колхозе почему-то больше ничего не давали. Не знаю, как так получилось. Приходила бабушка, помочь она нам ничем не могла, у нее у самой оставалось дома девять детей. Она заходила и сразу шла к родительскому сундуку, растаскивала то, что от мамы осталось.

Мы тогда остались ни с чем, жили сами по себе, никто нам не помогал. Ни света, ни радио, ни спичек не было, братья разжигали огонь, высекая искры камнями.

Над деревней постоянно летали самолеты, но нас не бомбили. Немцев я видела только издалека. Это были пленные. Помню, как наши солдаты с собаками вели фрицев в фуражках со свастикой. Я тогда очень боялась фашистов, наслушавшись страшных рассказов о войне. Да и брат нас никуда далеко от дома не отпускал.

Все годы войны с нами было ощущение голода. Это было самое страшное. Когда снег таял, мы ходили и откапывали мороженую картошку, ели ее практически сырой. Старший брат ставил самовар, насыпал в миску немного муки, помешивая, вливал туда воду и варил без соли и масла, пока не загустеет. Получалось что-то вроде клейстера, который делали для обоев.

Мы набрасывались на эту кашу, не дожидаясь когда остынет, ели, обжигая все во рту. Она казалась такой вкусной тогда. Это была самая лучшая еда. Потом Федора забрали на фронт. Его письма приходили из Болгарии и Румынии. После войны

он остался в Киеве, прожил там всю свою жизнь.

В день, когда объявили победу, я даже не сразу поняла, что произошло, ведь мне тогда исполнилось только 11 лет. Папа вернулся с войны раньше – зимой 1944 года. По состоянию здоровья его комиссовали с тяжелыми ранениями и контузией. После фронта он сразу попал в один из госпиталей Ташкента, а потом вернулся домой в Россию. Не раз он, рассказывая про Узбекистан, говорил, какие тут люди добрые, гостеприимные и внимательные.

Папин брат не вернулся с фронта, так и пропал без вести. Хуже того, из нашей деревни почти никто не вернулся с войны, только двое или трое. В День Победы они как-то тихо радовались, даже боялись слова лишнего сказать вслух. Помню только, папа повесил над домом красную ткань, на которой мой средний брат написал «День Победы».

Потом я закончила текстильное училище, вышла замуж, переехала с мужем в Ташкент. Здесь все было так, как папа рассказывал: «Когда поедешь в Ташкент, там тебе молоко на дом будут носить, лепешки вкусные кушать будешь». Шестьдесят пять лет уже живу здесь, и никто меня никогда ни разу не обидел. Дочка родилась у нас, внуки и правнуки есть. Тридцать восемь лет я проработала на текстильном комбинате.

Слава доблестным воинам
героической Красной Армии,
армии ...ободительницы!

Ильяс Бурнашев

Родился в 1930 году в селе Азеево Ермишинского района Рязанской области (Россия), где и провел годы Великой Отечественной войны. В 1963 году приехал в Узбекистан.

– Мне было десять лет, когда началась война. Нас в семье было семь братьев, две сестры и папа с мамой. Я был самым младшим. Старшие братья, конечно, сразу ушли на войну. Один из них – Абдулла – был призван на фронт из Андижана, куда он уехал по окончанию седьмого класса. Он погиб в первые дни войны…

Самый старший – Абдурахман – подорвался на минном поле под Воронежем и остался без ноги. Сначала его отправили в больницу на Урал, а потом – долечиваться в Ташкент. Другой брат Мухаммед прошел всю войну, он защищал Мурманск, участвовал в боях по освобождению Норвегии. Только через год после окончания войны он вернулся домой.

Еще одного брата призвали в танковые войска, сразу на фронт он не

попал, служил под Москвой. Его дивизия участвовала в нескольких парадах на Красной площади во время войны. В 1943 году он участвовал в боях за освобождение Харькова, а после войны отправился служить на Дальний Восток.

Из всех братьев дома остались мы с Идрисом, который был на два года старше меня. Папу, выпускника каирского медресе Аль-Азхар, на фронт не взяли, так как к началу войны он был уже пожилым. Тем не менее он вносил свой вклад в нашу Победу. Тогда очень не хватало мужских рук, и он пошел работать на мельницу. В то время дети быстро взрослели, мы, как и взрослые,

трудились с утра и до ночи на сельхозработах – бороновали и разрыхляли почву.

Немцев я не видел. Когда фашистские войска вступили на территорию Рязанской области, взяли Михайлов и начали бомбить Рязань, среди населения началась паника. Немцы раскидывали листовки с самолетов над округой. В нашей деревне стали готовиться к нападению. На пригорке построили дзот, привезли для этого специалистов, материалы и оборудование. Мы копали окопы, всю деревню опоясали ими. А потом стало известно, что немцы отступили.

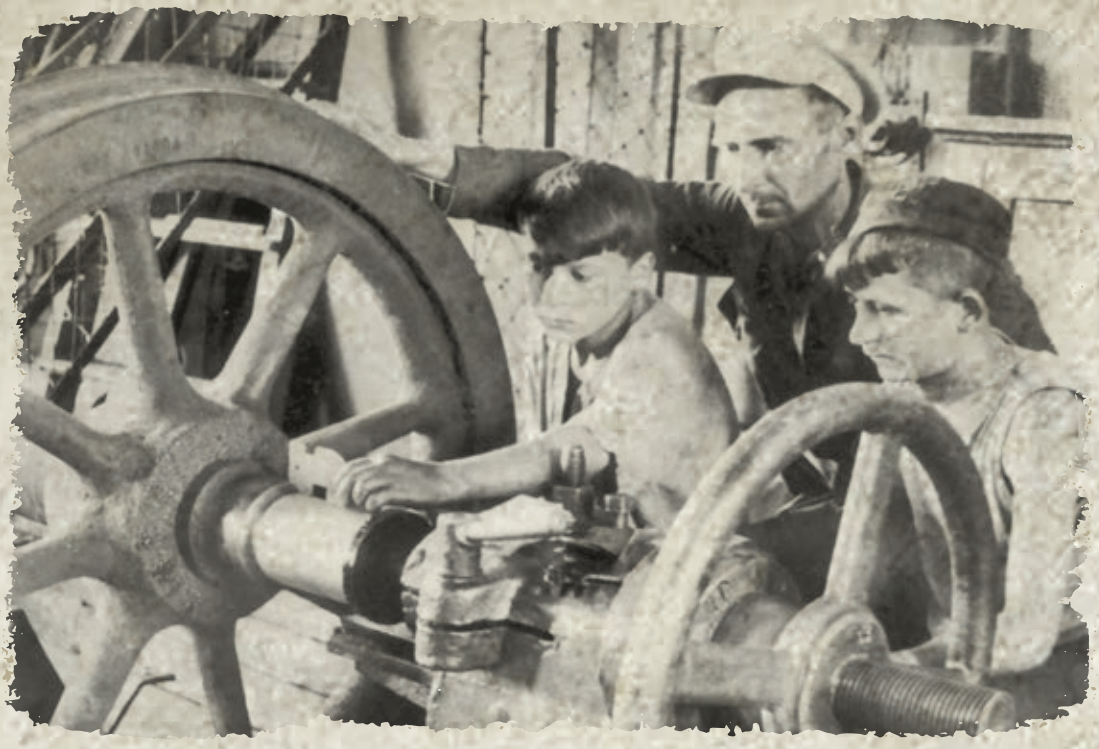
Школьных занятий практически не было. Приходим, два урока отсидим, а потом идем с учительницей копать картошку. На другой день придем, два часа учимся, и опять идем на молотилку снопы подавать. Часто работали на лугах: бригада рабочих косила траву, а мы, школьники, собирали ее в копны.

Неделями жили в шалашах. Лошадей и вообще никакого транспорта не осталось, все забрали на фронт, поэтому мы возили снопы на коровах и быках.

Наших детских силенок не всегда хватало, чтобы удержать этих своенравных животных. Они бежали от нас, тащили поклажу в лес, не слушались. Мы пытались их остановить и приструнить, обдирали до крови все коленки и локти. Завезет нас так скотина в лес, мы посидим там, поревем, успокоимся и дальше идем в село.

Мама оставалась дома на хозяйстве: у нас был огород, сад, коровы, овцы, куры, индюки, за них надо было платить налог на фронт. Старшую сестру вместе с остальными молодыми женщинами сразу забрали на трудовой фронт строить химкомбинат в городе Березники Пермского края. Оттуда, после окончания стройки, их сразу же перевезли в Казахстан для возведения

Карагандинского металлургического комбината. Сложное было время, их никуда не отпускали оттуда, не давали ни отпусков, ни отгулов. Была только работа и сон.

Когда наш отец заболел ветрянкой и умер в 1944 году, сестра даже не знала об этом, и мы не могли ей сообщить. Потом Абдурахман, вернувшийся без ноги, кое-как смог добиться, чтобы ей дали отпуск. Она приехала, и брат уже не отпустил ее назад.

Победу я помню хорошо. Сначала телефонисты из райцентра, а это 20 километров от села, позвонили в отделение на нашу почту и сообщили эту радостную весть. Потом

наша почтальонша с телефонистом вышли и стали кричать всем прохожим: «Война кончилась! Война кончилась!». И все, кто слышал эти радостные вести, передавали друг дружке по цепочке. Мы, ребятишки, бегали от дома к дому и кричали, что война окончена. Слова радости и одновременно женский плач были слышны повсюду…

У нас было большое село с пятью мечетями и более 30 двухэтажными купеческими домами. Здесь было свыше трех тысяч жителей и в каждой семье – по семь-девять человек. Многие ушли на фронт и не вернулись, поэтому мало кто любил вспоминать о войне. Никто из моих братьев, вернувшихся с фронта, ничего не рассказывал. Да и мы, понимая, что им пришлось пережить, не расспрашивали.

Девятое мая для нас большой семейный праздник. Мы справляем его каждый год. Бывает, что на него собирается и по 30 человек. Хотелось бы пожелать молодым, чтобы дружили все между собой, чтобы почитали старшее поколение, берегли память, уважали тот неимоверный труд, вложенный в общее дело победы над фашизмом, и огромные человеческие жертвы, которыми она была оплачена. С Днем Великой Победы!

Иван Гришков

Родился в 1933 году в Краснодарском крае (Россия). В первый год Великой Отечественной войны ему исполнилось восемь лет.

– В нашу станицу Курчанская Краснодарского края фашисты пришли осенью 1942 года. Папа тогда уже ушел на фронт, а мы остались с мамой – я и младшая сестра Маруся. Немцы затолкали нас под дулами автоматов в колхозный сарай, он был битком забит народом, все боялись, что гитлеровцы могут в любую минуту поджечь нас. Так мы провели два месяца, затем всех людей из станицы в спешке отправили в оккупационный лагерь.

Помню наш караван – десятки подвод и настоящая людская река, подгоняемая немцами. В основном, это были женщины, старики и дети. Мы шли вперед, несмотря на постоянные авианалеты. Когда прилетали самолеты, все прятались в оврагах от бомбежек, затем снова вставали на ноги и брели в неизвестном направлении.

В какой-то деревушке нас всех погрузили на баржи и вывезли в пещеры возле Керченского пролива.

Здесь мы пробыли несколько месяцев, пока фашисты решали, в какой именно концентрационный лагерь нас отправлять. Это были настоящие норы, выкопанные в скале, мы ютились там, закапываясь в охапки сена. Вокруг постоянно ходили немецкие автоматчики, чтобы никто не сбежал.

Страшное было время. Мы видели, как рядом постоянно расстреливали советских моряков: их ставили на край обрыва, затем стреляли, и тела убитых падали прямо в море.

В начале 1943 года мы прибыли в концлагерь. Он находился возле села Бютень Краснодарского края. Мне было девять с половиной лет, а сестренке Марусе – пять.

Помню бараки и длинные нары. По периметру лагеря была натянута колючая проволока, на вышках стояли надзиратели. Питались мы ужасно – в огромных котлах варилась похлебка: кормовая свекла с водой, иногда там попадались куски дохлой конины. Многие из-за такой кормежки умирали от голода и инфекций. Хорошо еще, что была проточная вода – на весь лагерь было несколько водопроводных кранов.

Я не знаю, как я смог выжить в том аду, как сохранила жизнь мне и моей маленькой сестренке мама, как она выдержала и не сломалась, молодая, красивая и статная жен-

щина, крепко державшая и не выпускавшая нас из своих рук до самого освобождения.

Нам, можно сказать, повезло. Часть охраны лагеря состояла из румынов. Иногда, жалея нас, они давали кусочек хлеба или даже конфету. Мальчишек часто задействовали на разгрузке продуктов для охранного персонала: и как же тянулись тогда наши голодные руки к этой провизии.

Однажды я не выдержал: когда разгружали фургон с хлебом, закинул одну буханку далеко в траву, рассчитывая потом найти ее и съесть. Но охранник выследил меня и огрел по затылку прикладом автомата. Удивительно, как он еще не убил меня, ведь это была громадная провинность.

Охранники-немцы были словно звери. В них не было ничего человеческого. Ни капли жалости, никаких чувств к нам, маленьким детям и женщинам. Хотя они ведь были чьи-то мужья, отцы, у них тоже оставались дома дети и жены!

Моя мама все это время была с нами, она утешала, ласкала и подбадривала нас. Мы спали в бараке не раздеваясь, по обе руки от нее, прижимаясь, как маленькие щенята. Тогда мы жили только одной надеждой, что нас освободят, прогонят проклятых фашистов, и однаж-

шего села. Таким образом выявляли предателей.

Когда мы наконец-то вернулись в родные места, то увидели нашу хату, лежащую в руинах, это было настоящее пепелище. Пришлось строить заново, несколько лет мы прожили в землянке.

Я запомнил на всю жизнь, как вернулся с фронта мой любимый папа. Он воевал и дошел с боями до Германии, был трижды ранен. Тогда шел уже 1946 год. Он вбежал к нам во двор, схватил меня на руки, об-

ды мы вернемся домой, где увидимся с папой.

В августе 1944 года Крым был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Мы пробыли в концлагере еще несколько месяцев, пока нас проверяли особисты из НКВД. Помню, мы подписывали объяснительные – кем являемся, кто наши соседи, где мы жили до оккупации на-

нял крепко-крепко. Затем спросил: «А где мама?» И мы побежали с ним к лесу, где мама работала на заготовке дров. Она в тот момент как раз шла по дороге, сгибаясь под тяжестью вязанки.

Мы закричали: «Мамочка, папа вернулся!» Она вздрогнула, уронила дрова под ноги, бросилась к папе. Они так и стояли, долго-долго, обнимая друг друга, еще не понимая и не веря в это.

Я плачу и сейчас, вспоминая это. Я ненавижу фашизм. Призываю всех людей на земле, особенно молодых, быть бдительными. Мне 88 лет, я дорожу каждым мгновением жизни. Уважайте себя и не давайте страшным идеологиям уничтожить вашу совесть. Цените родителей так, как ценили и уважали их мы.

Спасибо тебе, милая мамочка, я перед тобой в неоплатном долгу на всю жизнь. Только ты смогла спасти нас от неминуемой гибели в адском котле войны и оккупации. Наша святая, любимая мама, вечная тебе память и вечный покой. Вы так и стоите там сейчас оба на небесах вместе, ты и счастливый отец, и не можете разжать свои объятия. А над вами шумят салюты Великой Победы.

Ирина Вишнякова

Родилась в 1939 году в Ташкенте, где и провела годы войны. Известный врач-гематолог, большую часть своей жизни отдала работе в системе здравоохранения Узбекистана.

– В годы войны наша семья – мама с папой, а также я и моя младшая сестра Наташа, жили в Ташкенте около бывшего кинотеатра «Казахстан» в длинном одноэтажном доме на 20 семей.

Мой папа, Иван Носков, был известным энтомологом. В 1942 году его призвали на фронт для службы в химических войсках, но в день отправки неожиданно пришла срочная правительственная телеграмма. Его отправляли в экспедицию, имеющую важное стратегическое назначение. Советское правительство дало ответственное поручение: исследовать и уничтожить природные очаги саранчи, которая, пролетая стаями многие километры, уничтожала посевы сельскохозяйственных культур.

Это обрекло бы на голод и верную

смерть многие миллионы советских людей. Так, папа уехал от нас на целых полтора года, пройдя караванными тропами через Афганистан, Иран, север Пакистана и Индию.

Мама, Александра Соловьева, была фитобиологом – специалистом по защите растений. Она занималась стратегической культурой – хлопком, ей принадлежит большая заслуга в разработке методов борьбы со страшной болезнью хлопчатника под названием «вилт».

В годы войны мама часто уходила на ночные собрания. А я, четырехлетняя, и моя двухгодовалая сестра оставались совсем одни в квартире. Тогда мы запирали двери на все замки и, чтобы не было так страшно, брали с собой в постель верного друга – собачку Кузьку. Прижавшись к ней и друг к дружке, мы, две испуганные маленькие девочки, засыпали.

На кухне у нас жило другое любимое животное – коза по прозвищу

Ирина Вишнякова с сестрой (фото из домашнего архива).

Ночка. Тогда она была нашей кормилицей. Черная-пречерная, за что она и получила свое имя, коза обо-

жала нас и особенно маму, которая ее доила. Всю войну мы пили козье молоко вдобавок к скудному хлебному пайку и супам из травы. Это было по тем временам невероятной, невиданной роскошью! Помню слова мамы, которая тогда шутила: «Ириша, Наташенька, вот кончится война, и я, наконец, разбогатею! Вот наемся-то тогда хлеба до отвала!».

Несколько раз у Ночки рождались козлята, и потом вся козья семья тихо и чинно сидела у нас в кухонном закутке. Каждое утро мама накидывала козе на шею поводок, и они вместе шли на работу. Мама проводила исследования, а Ночка мирно паслась: возле станции защиты растений росло много свежей травы. Как жаль, что сразу после войны Ночку у нас украли. Как же мы горевали тогда, ведь она стала настоящим другом и полноценным членом нашей семьи.

В годы войны у нас умер дедушка. Он был священником, наступление немцев застало его в Поволжье, и он не смог вернуться домой в Пятигорск, в то время уже занятый фашистами. В результате он приехал к нам в Ташкент. Дедушка много болел от пережитых трудностей и потихоньку уга-

сал на наших глазах. Однажды мама вернулась с работы пораньше, когда мы были в детском саду, и увидела, что он умер. У него под подушкой нашли кусочки хлеба: он не ел свой паек и припрятывал, чтобы потом подсунуть нам, детишкам.

Помню, как полтора года спустя вернулся из экспедиции папа, и мы поехали встречать его на вокзал на повозке с двумя лошадьми, похожей на старинный фаэтон. Сколько он привез нам обновок: туфелек, платьев и прекрасную куклу – одну на двоих.

Ирина Вишнякова с семьей (фото из домашнего архива).

Наши святые родители! Они совершали тихий и незаметный подвиг, помогая своим беззаветным служением во имя науки, и всеми силами приближали День Победы. Их имена должны быть вписаны золотыми буквами в историю Узбекистана. Перенимая их благородную жизненную эстафету, я выбрала профессию врача, а сестра стала биологом.

Глядя на фотографии военной поры, я не могу сдержать улыбки: я и Наташка, две упитанные девчушки-коровушки. И это в военное полуголодное время. Мы сидим на коленях у нашей тоненькой тростиночки мамы и стройного, загорелого папы, вернувшегося из дальних странствий. Мы так счастливы на этих фото, потому что мы живы! Наши родители готовы были нам отдать последнее, лишь бы мы ни в чем не нуждались и не голодали.

Нина Кекена

Родилась в 1932 году в Ташкенте, где и провела годы Великой Отечественной войны. Ветеран труда и тылового фронта.

– Мы жили на улице Клары Цеткин. Двор у нас был большой, все были дружные. В тот страшный день соседка, у которой был дома радиоприемник, выскочила на улицу и начала кричать: «Война, война, немцы на нас напали!».

Первым делом все женщины, плача, кинулись обнимать мужчин, понимая, что их сразу заберут. У нас в семье на фронт ушел муж моей старшей сестры, папа к тому времени уже умер. Проводы, конечно, горько вспомнить. Тогда, как на демонстрации, по улице Тезиковка, где был военкомат, шагали огромные толпы мужчин. Нас туда не пускали, мы с сестрой и ее маленьким ребенком на руках смотрели через забор, махали им, многие провожающие женщины с детьми бежали вслед за мужчинами и плакали.

Муж сестры погиб практически сразу в первые дни войны где-то под Калининградом.

Мы остались одни – мама, я и сестра с маленьким ребенком. Мама сильно болела, у нее были проблемы с почками. Сестра сразу устроилась на завод, где шили парашюты, а мама дома сидела с ее сыном. Он потом умер от истощения, его даже не в чем было хоронить. Соседи, кто картон, кто кусочек бумаги дал, кое-как завернули тельце, и я его на кладбище отнесла. Сестра все не могла поверить...

Я очень люблю наш народ. В какой-то момент нас поддержала одна узбекская семья. К нам во двор носила молоко девушка. Она приезжала из Кибрайского района. Мама давала мне монеты и банку, я выбегала на улицу и покупала у нее молоко. Эта девушка, видимо, пожалела меня и рассказала своим родителям, что я такая худенькая и бедно одетая.

Они и попросили ее привезти меня, чтобы покормить. Мама разрешила, и я какое-то время пожила у них. Помню их сад, а там урюк, яблоки падают на траву. Их бабушка подходила ко мне и говорила: «Кушай девочка, а остальное мы соберем и купим кукурузную муку, лепешки испечем». Она кормила нас вкусными горячими лепешками.

Тогда эти добрые люди спасли мне жизнь. Вот этого забыть нельзя!

В те тяжелые дни, когда вся наша страна встала на борьбу с фашизмом, всем нам несмотря на то, что мы были детьми, тоже очень хотелось делать что-то полезное для фронта. Однажды по пути из школы я встретила знакомую девочку. Она мне рассказала, что устроилась на фабрику «Красная заря». На следующий день, никому ничего не говоря, я тоже отправилась туда. Зашла на проходную и говорю: «Здравствуйте, я хочу тут работать!». Дежурная у меня переспрашивает: «Сильно хочешь работать?». Я отвечаю: «Очень. Я хочу шить все для фронта, все для

Победы!». Меня в тот же день оформили. Так, с 12 лет в 1944 году я начала работать.

Фабрика «Красная заря», можно сказать, и выкормила, и выучила, и воспитала меня. Новеньким сначала давали материал и учили делать ровные строчки на машинке, а потом уже давали заготовки. Я быстро все освоила. Мы шили конвейером брюки, гимнастерки, юбки. Работали по восемь часов, а когда был срочный заказ, то и по 12 часов. Большие окна на ночь закрывали сукном, чтобы ни огонька нигде видно не было, и в случае налета чтобы фабрику не разбомбили.

После смены я бежала в вечер-

Усман Юсупов в окружении семьи.

нюю школу, которую организовали тут же при фабрике. Наш директор хорошо заботился о нас, старался создать здесь все условия. Благодаря его активной деятельности после войны через дорогу от фабрики открыли поликлинику, следом профилакторий, детский сад и ясли, а потом и пионерский лагерь. Странно, наверное, такое слышать сейчас, но в годы войны жена директора работала наравне со всеми, сидела вместе с нами за машинкой.

Конечно, детям было не просто работать в таких условиях, а 1944 год был и вовсе очень тяжелый. Тогда наступила морозная зима, температура доходила до 18 градусов ниже нуля. Мы все, по сути, были полураздетые, даже колготок не было. Мама давала мне свое пальто, оно мне было до пят, как раз все прикрывало, и я так в рваном платье да драных галошах добегала до фабрики.

Наверное, мы, дети, тогда даже толком не осознавали, что такое усталость. Мы бежали на фабрику сломя голову, чтобы не опоздать, старались побыстрее и качественнее сшить. Все понимали, что мы делаем общее и важное дело. У нас цех №6 был полностью детский. Это была одна большая семья. Мы ра-

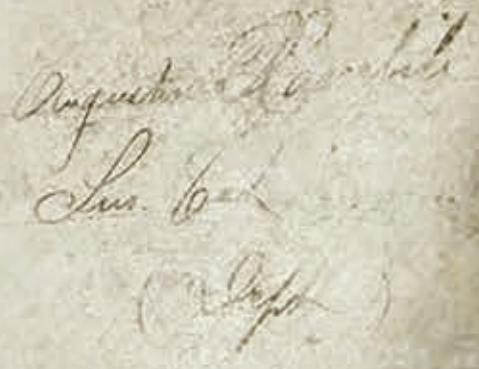
ботали вместе с детьми, которых эвакуировали из Ленинграда. Этих приезжих девочек мы очень любили и жалели, так как они остались без родителей.

Фабрика нас хорошо кормила, помню, варили нам из свеклы борщ, очень вкусный. Каждую неделю к нам приезжал первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов со своей супругой. И это были моменты праздника в то непростое время. Он для нас тогда был как отец. Они с женой собирали всех вокруг и каждого старались обнять, подбодрить. Усман Юсупович всегда обязательно хвалил, благодарил нас. Говорил: «Молодцы вы, ребята, большое дело делаете, помогаете фронту, Родине своей помогаете!». Он старался таким образом поднять наш дух, и это у него получалось. Мы были рады стараться, работали потом с удвоенной силой и энтузиазмом.

На следующий день после объявления об окончании войны на товарную станцию начали привозить солдат. И все женщины, в том числе мы с сестрой, бежали на вокзал, всех обнимали и целовали просто за то, что они вернулись с фронта. Из нашего многоквартирного дома вернулся только один фронтовик – сосед дядя Коля, он был без ноги.

Дворовая ребятня, завидев его, бывало, окружит: «Расскажи да расскажи про войну». И он отвечал: «Такой страх и не расскажешь до конца. Самолеты летели, как черная туча, бомбили безбожно. Люди гибли прямо на глазах». Он многое рассказывал нам – и как ногу ему оторвало, и как фрицы наших солдат убивали. Мы все слушали, затаив дыхание.

День Победы для меня – не просто праздник, мне радостно осознавать, что и мы, дети войны, народ Узбекистана, тоже внесли свою лепту, свой труд в это большое и важное дело – уничтожение фашизма.

Мальвина Кудрякова

Родилась в 1929 году в Ташкенте. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 11 лет. Годы войны провела в столице Узбекистана. Ветеран трудового фронта.

– О начале войны сообщили в сводке по радиотарелке. Нас в семье было четверо детей, и мы относились к происходящему по-своему, по-детски. Война не была рядом, поэтому мы воспринимали ее как нечто, нас напрямую не касающееся. Нам не было страшно, но очень любопытно. Когда взрослые говорили о происходящих на фронте событиях, мы подсаживались и даже подслушивали. Они тогда рассуждали о какой-то неизвестности, перестройке жизни.

К счастью, никого из моих родных не отправили на фронт. Мама и папа работали, добывали пропитание. А у нас была школьная учеба, небольшие домашние заботы, а после – побегать и попрыгать с друзьями.

Ташкент был глубоким тылом

страны, сюда эвакуировали не только людей из прифронтовых территорий, но и крупные промышленные мощности, на которых производили необходимую для армии продукцию. Дети работали на этих предприятиях наравне со взрослыми. Поэтому даже в тыловых условиях жилось непросто. Мы быстро взрослели, понимая, что перенести все эти тяготы – наш долг.

В начале 1944 года тяжелые трудовые будни начались и у меня. Мне тогда было 14 лет. После окончания школы меня, маленькую, худенькую девочку, приняли учеником слесаря на Ташкентский электротехнический завод. Сейчас бы сказали – слесарское дело не для нежных девичьих рук. Ну а в то время не приходилось выбирать работу.

Помню цех, где я трудилась. Он был большой, народу там работало уйма. Среди рабочих было много детей – девчонок и мальчишек моего возраста. Станки у всех были стандартные, а мы все маленькие, невысокого роста, просто не доставали до своих рабочих мест. Поэтому нам ставили ящики под ноги. Так мы и работали, стоя на коробках.

Учитывая юный возраст, нам давали несложную работу, только то, что детям было под силу. Мы изготавливали дроссели и электротехнические катушки, соединяли детали, клеили картонную изоляцию,

работали молотком. Потом мне поручили обтачивать за токарным станком корпуса для мин.

Помню, мы работали бок о бок с военнопленными немцами. Они все делали аккуратно и обращались к нам очень вежливо.

Детям приходилось очень тяжело. Трудились много, поэтому сильно уставали. Рабочий день в те годы был гораздо дольше, чем сейчас. Дети приходили и уходили вместе со взрослыми. Но мы старались делать все, как положено, чтобы наша

продукция прошла контроль и была отправлена на фронт. Работали, как говорится, с душой, потому что понимали ответственность и верили, что это очень важно для нашей победы.

Среди положительных моментов того времени мне очень запомнилось отношение нашего начальника к юным рабочим. Это был очень хороший человек, сочувствующий и понимающий. Однажды, видя, как мы веселимся, скачем и танцуем после обеденного перерыва, он поручил установить в цехе радиоприемник, чтобы все могли отдыхать под музыку. Это было нашей отдушиной в суете тяжелых рабочих будней. Я до сих пор очень часто вспоминаю этот жест заботы.

Вместо зарплаты нам давали талончик на хлеб, который отоваривали в магазине. Работающим детям выдавали 800 граммов хлеба – ровно столько, сколько и взрослым.

На этом заводе я проработала до 1948 года. Жаловаться нам не приходилось, однако позже я старалась не вспоминать этот период своей жизни, поскольку война подарила лишь чувство украденного безоблачного и беспечного детства. Дай бог, чтобы нынешним и будущим поколениям не довелось увидеть и жить так, как пришлось нам.

Федор Болбас

Родился в 1933 году в Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны в возрасте восьми лет был угнан немцами в концлагерь в Австрии.

– Я жил с родителями в Могилевской области Белоруссии, в деревне Слободка. Когда началась война и в село пришли фашисты, я как раз должен был идти в первый класс. Помню тот страшный день – нас всем селом вывели на деревенскую площадь и построили. Затем немцы стали отбирать детей и куда-то увозить. Меня забрали вместе с младшим братом, которому тогда было всего шесть лет.

Нас всех затолкали в грузовые вагоны, мы долго ехали в неизвестность, многие дети горько плакали, потому что впервые остались без родителей. Особенно запомнилась одна девочка, которая беспрерывно стонала: «Ой, мамочка, ой, милая». Поезд иногда останавливался, нас ненадолго выпускали на перрон, а потом как скот загоняли обратно. Так мы доехали до Австрии.

Я попал в концлагерь для детей недалеко от города Шпиталь. Так как мы были еще малы и ничего не

умели, нас использовали в качестве прислуги, когда требовалось что-то подать, принести и убрать. Если кто-то ошибался или что-то не получалось – его жестоко избивали.

Младшему брату доставалось чаще, так как он был совсем маленький и слабый. Он дольше меня привыкал жить без родителей, постоянно плакал по ночам, просился к маме и все время говорил о том, что она обязательно придет и забе-

рет его из этого ужасного места. Я, хоть и был старше, иногда поддавался этому настроению и даже ревел вместе с ним.

Кроме того, мы еле держались на ногах, потому что немцы постоянно выкачивали из нас кровь. Как они говорили, кровь детей чистая, поэтому она предназначалась исключительно для раненых офицеров. Простым солдатам ее не отдавали. Зато нам сообщали, что оказывают честь, предоставляя право спасти ценой своей крови истинного арийца.

Детям постарше было очень тяжело. Их собирали каждое утро, кормили тухлой брюквой, давали какую-то затхлую воду и гнали на карьер. Они возвращались поздно вечером сильно изможденные, еле

доползали до барака и тут же падали на деревянные лавки, чтобы забыться в глубоком сне. Хуже всего было то, что и от «кровавой повинности» они не были освобождены. Быть может, поэтому они так часто умирали.

Иногда нам удавалось стащить с немецкого стола кусок хлеба или даже чего получше. Особенно хорошо это получалось у самых маленьких. Они пролезали даже под колючей проволокой и приносили объедки с уличных лотков и мусорных баков. Но если их ловили – беды не миновать. Могли и до смерти забить.

Немцы не видели в нас детей. Мы были только материалом для создания покорного раба. Постепенно,

мы и сами свыкались с мыслью, что нам не суждено больше увидеть родителей, что свобода не для нас.

В таком ужасном положении мы прожили все четыре года. Внезапно просочились слухи, что наши войска близко, немцы начали шушукаться, что делать с нами. Говорили, что всех нас убьют. В тот момент, казалось бы, нужно бежать, но нам было все равно. Отупение от побоев и вечного унижения сказывалось на психике, поэтому и жить-то особо не хотелось.

Наконец, войска союзников вошли в Шпиталь, и вскоре в лагерь ворвались американские и английские солдаты. Наши охранники особо и не сопротивлялись, надеясь на снисхождение. Сопротивление оказали лишь эсэсовцы, они устроили стрельбу, пытались помешать наступавшим солдатам спасти узников. Мы со страхом забились в свои бараки, думая, что напоследок фрицы придут к нам и просто всех перестреляют. А ведь спасение было так близко.

Но судьба позволила выжить. Так закончились наши мучения. Помню, как мы плакали, обнимая чужих дядей, которые даже на русском не говорили. У них у многих слезы стояли на глазах. Думаю, на нас иначе смотреть было просто невозможно. Кто-то из них тут же пытался нас накормить, но военврачи запретили. После многолетней голодовки

еда могла просто убить нас. Поэтому нам сперва позволили есть понемногу хлеба с молоком. После нас передали советским войскам, которые погрузили детей в вагоны и отправили на Родину.

Дома нас ждало нежданное счастье – оказалось, что наши родители остались живы, хотя и прошли застенки гестапо. После возвращения братишка, хоть и стал старше, самостоятельнее, долго боялся отойти от мамы. Ну, а я поступил в школу, закончил восемь классов и затем отправился в армию. На Урале, где я служил, встретил будущую жену. Ее отец жил в Узбекистане. Вот так в 1959 году я попал в Ташкент и прожил здесь всю оставшуюся жизнь.

Сейчас у меня двое детей – сын и дочь, пять внуков – три мальчика и две девочки, три правнука – два мальчика и девочка. И я бы не хотел, чтобы они прожили мое детство. Война никогда не должна затрагивать детей.

Валерия Саприко

Родилась в 1939 году в Ленинграде (Санкт-Петербург, Россия). Первые годы Великой Отечественной войны провела в блокаде. В начале 50-х годов прошлого века приехала в Ташкент. Работала в строительной сфере, а также бухгалтером.

– Мы жили в городке Красное село под Ленинградом. Как только началась война, отца отправили на фронт, а бабушка, которая жила в городе, сразу приехала к нам, чтобы забрать к себе. Мы фактически успели на последнюю электричку перед приходом фашистов.

В Ленинграде мы жили в старинном доме, который был построен еще в 1892 году. Он, кстати, до сих пор стоит. В квартире бабушки жили три семьи, все спали на полу. С нами остался еще папин братишка шестнадцати лет. Он был в рядах защитников Ленинграда. Эти юные ребята работали на строительстве оборонительных сооружений, в госпитали ходили, бегали по крышам и тушили зажигательные бомбы.

Мне было всего два года, когда началась война, поэтому я плохо пом-

ню это время. В память только навсегда врезался запах подвала, куда мы спускались каждый раз, когда шли бомбежки. Они могли начаться в любую минуту, поэтому двери во всех квартирах были открыты.

Также до сих пор осталось ощущение темноты подвала и сковывающего страха, поэтому с тех пор я не люблю темноту. И каждый раз, когда покупаем черный хлеб, я целую его и плачу, помня о том, какой драгоценной в те блокадные дни была каждая крошка.

За нашим домом были огороды. Я помню, что после бомбежек мы с бабушкой ходили туда, искали хоть что-то поесть. Бабушка работала в

столовой, но она ничего принести не могла, все было под жестким контролем, за малейшую недостачу могли расстрелять на месте.

Маму я совсем не помню, знаю, что она была учительницей. Сестра, которая была чуть постарше меня, тихо шептала, когда мы проходили мимо ее комнаты, что мама спит. А она там лежала мертвая. Умерла от голода, ведь все съестное отдавалось нам. Тогда не то что хоронить, вытащить ее даже некому было. Только потом, когда уже дорогу по Ладожскому озеру открыли, пришла специальная бригада: сначала забирали мертвых, потом эвакуировали детей.

Нас увезли без бабушки. Столовая, где она работала, была очень далеко от дома, транспорт никакой не ходил, и бабушка уходила пешком с раннего утра. После войны она нам рассказывала, что вернулась с работы, а на столе записка: сегодня отправка детей по Ладожскому озеру, ваш номер такой-то. Она побежала на набережную к Ладожскому озеру, к месту отправки, но опоздала, нас с сестрой уже увезли.

При распределении нас разлучили: я попала в Дом малютки в город Ковров, а сестра – в другой детский дом. Не помню, сколько детских домов тогда пришлось сменить из-за наступления фашистов, но последним, где я оказалась вместе с другими детьми-ленинградцами, был детдом в городе Киржач. Там за нами очень хорошо смотрели, хотя, конечно, с пропитанием было трудно. Иногда вместо хлеба был просто жмых. Дадут нам маленький кусочек, жуешь-жуешь его чуть-ли не полдня, а живот постоянно бурчит. Нас кормил лес, мы ходили с воспитательницей собирать ягоды, чтобы нам делали компоты и варенья.

В детдоме было очень много кружков. Я занималась и акробатикой, и художественной гимнастикой, а также шила и рисовала. Помню,

мы ездили выступать с концертами в воинскую часть. Она была под землей в бункере, там было много самолетов, они оттуда улетали на фронт. Мы пели солдатам песни, читали стихи. И сами военные к нам в детский дом все время приходили на праздники.

Из детдома меня удочерила одна семья. Я недолго жила у них, но люди они были добрые, хорошие. Отчим – директор школы, жена его тоже там работала. Я помню, ставила им ультиматум: «Пока пирожков не напечете, я в школу не пойду». И мне пекли пирожки и давали с собой в школу, где я делилась ими со своими одноклассниками из детского дома.

Помню, однажды пришла в школу, а один мальчик мне кричит: «Валерка, Валерка, у тебя отец нашелся, по радио объявили!», и называет мне имя, фамилию и отчество отца, которые диктор назвал, рассказывая об одном военном. Я потом всю ночь просидела у радиоприемника, все ждала, что снова расскажут про папу. Может это был однофамилец, кто знает. Я потом взяла, да и заявила своим приемным родителям, что у меня есть отец и ушла от них, вернулась обратно в детский дом.

Какое-то время спустя меня и

вправду нашла бабушка. Видимо, по спискам распределения детей из Ленинграда она смогла связаться с детским домом. Встречу с ней я плохо помню, она все обнимала меня да плакала. Как она блокаду пережила, я не знаю. Вскоре она отвезла меня к папе в Ташкент. Отец приехал сюда сразу после войны, дойдя до самой Германии.

Старшую сестру нашли раньше, она была в другом городе. К тому времени, когда мы приехали к отцу, он женился во второй раз, у него уже родился ребенок, а потом и другие дети. Нас в итоге у папы было 10, а мы с сестрой были за старших в доме. Папа работал кузнецом в колхозе, а мы помогали мачехе вести хозяйство – у нас были куры, корова, свиньи, отдыхать было некогда.

Сестра, по сравнению со мной, была очень замкнутая, ничего не рассказывала о себе, видимо ей пришлось многое пережить. После окончания техникума она по направлению попала на практику под Ленинград, вышла замуж за коренного ленинградца и оказалась в том же доме, где мы жили с бабушкой во время блокады. Вот такая судьба. После смерти ее похоронили на том же кладбище, где и маму.

Мадина Аминова

Родилась в 1927 году в деревне Юсупово (Башкортостан). На момент начала войны ей было 14 лет. В Узбекистане проживает с 1949 года. Ветеран труда.

– Когда началась война, моего отца и старшего брата вместе с остальными мужчинами из села забрали на фронт. Мы, шестеро детей, остались с матерью. Без мужчин приходилось очень тяжело, вся работа взвалилась на плечи пожилых, женщин и детей.

Весной мы трудились в нашем колхозе «Танып» – сначала вручную пахали землю, потом засеивали поле, дружно припевая «За Родину, за Сталина!». После завершения весенних работ нас отправляли на стройку в небольшой городок неподалеку от нашей деревни. Солдаты строили здесь какое-то здание, а мы копали траншеи, таскали кирпичи, убирали территорию. Это была тяжелая работа для ребенка. Нам ничего не платили и не давали пайков. Время было такое, голодное, каждый питался тем, что давали из дома.

Осенью мы снова возвращались на поля – собирать урожай. Сначала – горох, потом пшеницу, затем косили сено и собирали его в стога. Отдыхать было некогда, работали в поте лица, справлялись с большим

трудом, но мы были тогда молодые и задорные. Тогда мы еще слабо представляли, что же такое настоящая война...

В тот год, когда напали фашисты, урожай был очень хороший, зерно буквально некуда было девать, поэтому часть раздали колхозникам. Грузовые машины высыпали у каждого дома целые горы. Наша мама повидала гражданскую войну 1917–1922 годов и была научена горьким опытом. Поэтому она очень экономно использовала наши запасы.

Молодые женщины из нашей деревни были легкомысленны и расточительны, они поначалу даже

скотину кормили зерном. Уже через два года их амбары опустели. Вот тогда у их семей начались трудности. Сначала они сами стали голодать, а потом и своим работающим на строительстве детям не смогли отправлять пайки.

Многие наши сверстники жили и работали впроголодь, ели, что попадется под руку: что-то выкапывали, собирали травы. Они очень мучились, а потом один за другим умирали: кто – от недостатка сил, кто – от болезней. На войне люди гибли от пуль, а на трудовом фронте – от голода, холода и изнуряющей работы.

Только в начале 1943 года нам начали давать паек, чтобы не терять молодых рабочих, – похлебку и ломтик черного хлеба. Нам и этого хватало, многие буквально ожили. Вспоминая эти суровые дни, я вспоминаю нашу маму. Благодаря ее разумности мы с сестрами дожили до конца войны, встретили долгожданную победу и вернувшегося с фронта отца.

Днем все были заняты на полевых работах, а ночью одни вязали носки и варежки, другие – сушили картофель, делали все для солдат на фронте. Народ был дружный, самоотверженный, работал, не жалея себя, помогал, кто чем мог. И мы, дети, всю войну провели в работе наравне со взрослыми. Мы быстро повзрослели, понимая и принимая ответственность за общее будущее.

Все тогда мечтали и ждали, когда

же закончится война, когда наши отцы вернутся. Эта благая весть пришла, когда мы были на строительных работах. Чувства, которые мы испытали, словами не описать. О, что это было! Мы все прыгали от радости, обнимали друг друга, кричали что-то, плясали. А потом без спроса убежали со стройки домой. Уже не помню, ругали ли нас после. Это было словно начало новой жизни...

После объявления об окончании войны еще долго проливались слезы. Это были и слезы радости, и слезы горя. Одни семьи встречали своих уцелевших бойцов, в их честь устраивали застолья. В этих домах были слышны мелодии гармони, песни и пляски. Другие – хоронили в сердцах последние надежды увидеть когда-нибудь еще своих отцов, сыновей и братьев. В семьях, где погибли мужчины, раздавались крики и горький плач. Односельчане помогали им чем могли.

Наш папа вернулся через пару

Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, 8 мая 1945 года.

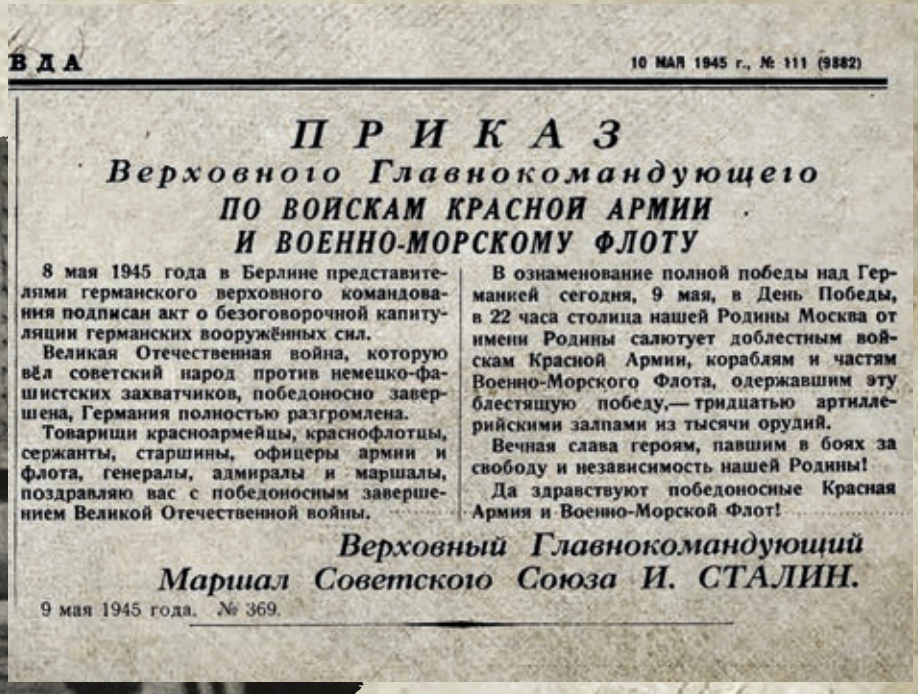
месяцев после окончания войны. Он был тяжело болен и умер через год. Брат учился на летчика и погиб в первый же свой полет...

После войны жизнь улучшилась ненамного. Также приходилось работать с раннего утра и до темноты. Всем было трудно еще очень долго, поэтому многие уехали жить и работать в Узбекистан. Здесь было легче – теплое солнце, изобилие фруктов, прибывающим давали работу и жилье. Вот и мы с подругой в 1949 году приехали сюда.

Как сейчас помню, на Ташкентском вокзале было нечем дышать – людей была тьма, поезда приходили один за другим. Двери в домах никогда не закрывались, магазины были полны продуктами, а 1 и 9 мая проводились массовые гуляния, всех угощали пловом и шашлыком.

Я не сожалею о своей судьбе. Несмотря на выпавшие на нашу долю тяготы и лишения, она подарила мне хорошего мужа, прилежных дочерей и внуков. Сейчас военные годы вспоминаю как сон. Не желаю нынешним и будущим поколениям увидеть войну и ее последствия. Пусть будет мир во всем мире.

ВДА 10 МАЯ 1945 г., № 111 (9882)

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил.

Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу,— тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

9 мая 1945 года. № 369.

Color by Klimum

ОСОБУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ КНИГИ ВЫРАЖАЕМ:

ООО Splendid Idea
Министерству обороны Республики Узбекистан
Мемориальному комплексу «Парк Победы»
Посольству Российской Федерации в Республике Узбекистан
Русскому культурному центру Узбекистана
Татарскому культурному центру Узбекистана
Национальному культурному центру крымских татар «Авдет»
Главному управлению внутренних дел города Ташкента

А ТАКЖЕ:

полковнику Каршиеву Хамдаму Аликуловичу
Султанову Рахимжану Ахмедовичу
Бабаеву Борису Рахимовичу
Саъдуллаеву Давлятбеку Самиевичу
Костецкому Василию Ануфриевичу

Издательство ООО Splendid Idea
г. Ташкент, ул. Олимлар, 64а
тел.: +99878 140-41-40

Подписано в печать 29.04.2021. Формат 70×100 1/8
Гарнитура Pragmatica Slabserif. Усл. п.л. 39
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО Complex Print
Лицензия № 10-3606, 10.12.2016
г. Ташкент, ул.А.Навои, 24
тел.: +99871 244-40-89

ISBN 978-9943-7241-0-5

9 789943 724105

Посвящается всем павшим
на полях сражений
Великой Отечественной войны
и прошедшим ее горнило…